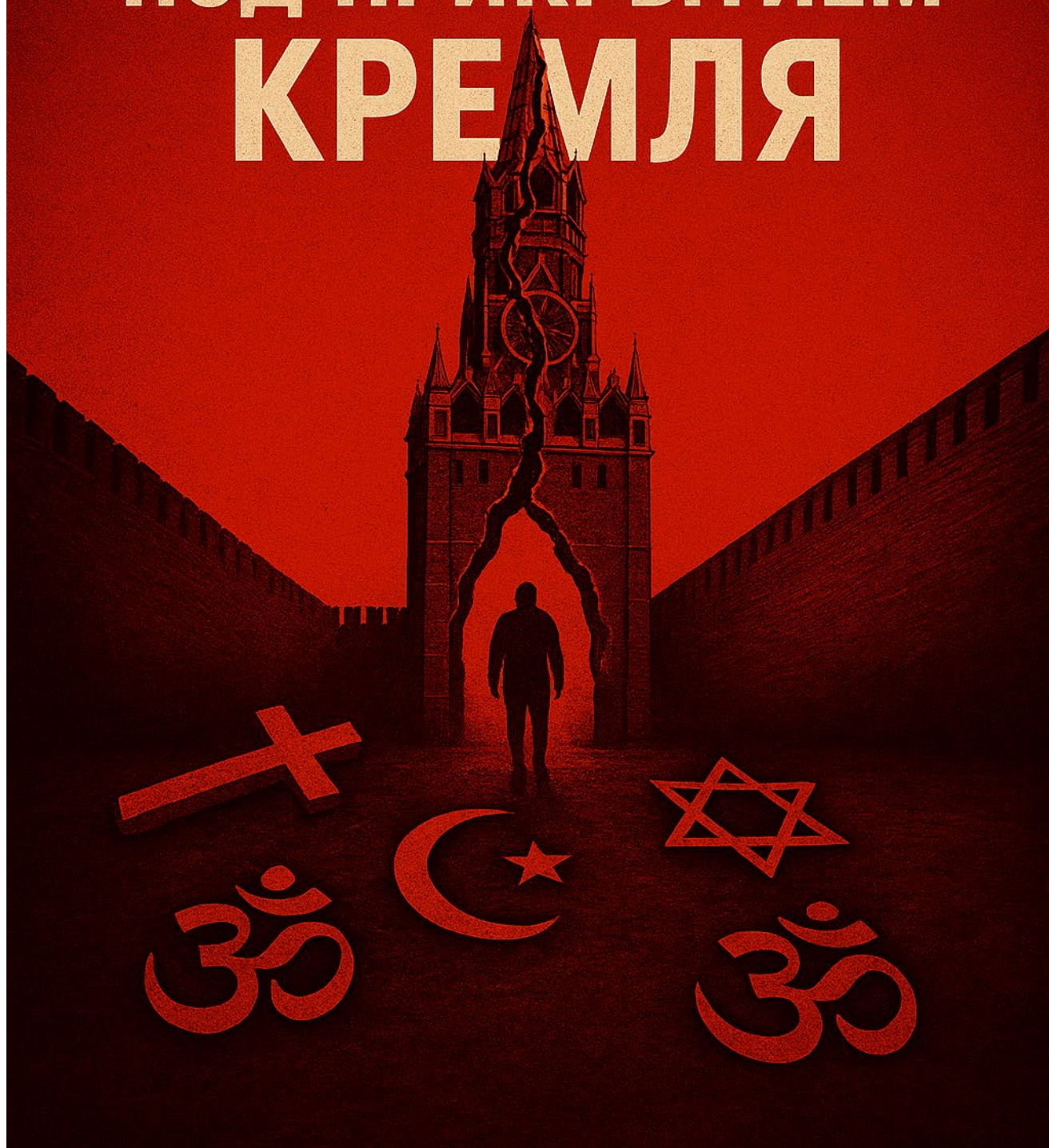

АНЕТА КОРИН

САДИЗМ

ПОД ПРИКРЫТИЕМ

КРЕМЛЯ

САДИЗМ ПОД ПРИКРЫТИЕМ КРЕМЛЯ

Анета Корин

2025

Настоящая книга представляет собой фундаментальное историко-правовое исследование, посвященное анализу репрессий против Свидетелей Иеговы в нацистской Германии и современной России. В книге раскрывается, как идеология и методы тоталитарных режимов используются для создания «внутреннего врага» через дегуманизацию и юридическую изоляцию религиозного меньшинства. Автор доказывает, что гонения в Российской Федерации являются идеологической и методологической реинкарнацией тоталитарных шаблонов Третьего рейха, воспроизводя технологию выявления, дегуманизации и юридической изоляции группы, чья система ценностей не подконтрольна государству.

Уникальность исследования заключается в том, что оно детально препарирует сам механизм конструирования «внутреннего врага». Впервые деятельность так называемого «антикультизма» и псевдонаучных концепций вроде «*деструктологии*» рассматривается не как форма общественной дискуссии, а как прикладная политическая технология легитимации насилия. Книга показывает циничную схему, при которой ангажированная «экспертиза» заменяет правосудие, а антиэкстремистское законодательство становится инструментом для юридического камуфляжа политических репрессий.

Актуальность данной работы обусловлена трагедией, разворачивающейся в реальном времени. На фоне многочисленных уголовных дел, обысков и задокументированных пыток это исследование становится предостережением. Оно демонстрирует, как технологии социального подавления, отточенные на одном религиозном меньшинстве, неизбежно превращаются в универсальный инструмент для борьбы с любым инакомыслием, разрушая основы права и гражданского общества. Эта книга — интеллектуальная защита от тоталитаризма, необходимая для понимания того, как риторика ненависти становится прелюдией к реальному насилию, и как важно отличать правосудие от расправы.

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ: МОДЕЛЬ РЕПРЕССИЙ

Глава 1. Третий рейх и «фиолетовые треугольники»: технологии тотального контроля

Анатомия непримиримости: Фундаментальный конфликт доктрин
Хронология эскалации: от запрета до истребления
Юридическая машина террора: Закон как инструмент подавления
Механизмы подавления: гестапо, концлагеря и слом воли
Фиолетовый треугольник: символ стигмы и стойкости
Война против детей: насильственное «перевоспитание»

ЧАСТЬ II. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: РЕАНИМАЦИЯ ШАБЛОНА

Глава 2. Информационная война: роль пропаганды тогда и сейчас

Архитектура ненависти: создание образа врага
Российская реинкарнация: враг под маской «экстремиста»
Сравнительный анализ: от политической измены к социальной патологии
Лингвистическое оружие: дегуманизация через «язык вражды»
От слов к насилию: причинно-следственная связь
Российская гибридная модель: симбиоз Церкви, государства и СМИ
Искусство подстрекательства: завуалированные призывы к насилию
Голоса из эпицентра войны: свидетельства жертв

Глава 3. Александр Дворкин и РАЦИРС: архитекторы «духовной безопасности»

Генезис «сектоведа»: от эмиграции к крестовому походу
Идеологический арсенал: «Тоталитарные секты» и язык вражды
Организационное оружие: РАЦИРС и международное прикрытие FECRIS
Симбиоз власти: церковь, государство и «сектовед»
От слов к насилию: практические последствия дегуманизации

Глава 4. «Экспертиза» как приговор: от «расового диагноза» до «деструктологии»

Российская реинкарнация: «деструктология» как конвейер запретов
Сравнительный анализ: Общая матрица псевдонаучной расправы

Глава 5. Юридическая машина: сравнительный анализ репрессивного законодательства

Юридическая машина Третьего рейха: архитектура беззакония
Специальное законодательство: указы о прямом запрете

Юридический лабиринт современной России: имитация правосудия
Конвейер запретов: от литературы к человеку

Глава 6. Истории выживших: личные свидетельства преследований

Анатомия пытки: свидетельства из Сургута
Хроника побега: свидетельство «Ника»
Обыск и арест: вторжение в частную жизнь
Голос из-за решетки: поэма узника совести

Глава 7. Международная реакция и ее пределы

Исторический эталон: эпоха молчания и бессилия (1933–1945)
Эпоха институтов: глобальное осуждение преследований в России
Голос гражданского общества: роль правозащитных организаций
Выход из системы и отрицание правосудия

ЧАСТЬ III. СИНТЕЗ И ВЫВОДЫ

Глава 8. Уроки истории и угрозы будущему

Разделяй и властвуй: стратегические параллели тоталитарного контроля
Институционализация лжи: псевдонаука и государственный аппарат
Практика террора: от запрета к пыткам
Физический террор: государственные пытки в XXI веке

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ВЕБ-САЙТОВ

ВВЕДЕНИЕ

«Вы понимаете, что вы поступаете так, как фашисты поступали с людьми во время войны? Вы этой музыкой убиваете меня, понимаете?» — Свидетель Иеговы, скрывающийся под псевдонимом «Ник», о пытках музыкой в российском СИЗО. Радио Свобода, 2019 г.

Это не цитата из дневника узника Бухенвальда или Заксенхаузена. Эти слова произнес наш современник, гражданин Российской Федерации в XXI веке, описывая свой опыт в следственном изоляторе. Они были обращены к сотрудникам правоохранительной системы страны, чей исторический нарратив построен на фундаменте победы над фашизмом. Этот крик отчаяния, пронзительный в своей прямоте, служит отправной точкой нашего исследования. Он обнажает парадокс, который лежит в основе этой книги: как и почему государство, декларирующее себя главным борцом с нацизмом, оказалось способно воспроизвести его репрессивные методики против той же самой группы людей, которую нацисты пытались уничтожить почти столетие назад?

Эта книга — анатомия преследования. Она исследует две исторические эпохи, две политические системы и две юридические машины, направленные на одну и ту же мишень — Свидетелей Иеговы. На одном полюсе — нацистская Германия с ее идеологией расового превосходства и тотального контроля, символом репрессий которой стал фиолетовый треугольник — нашивка, которую обязаны были носить узники-«бибельфоршеры» (Bibelforscher, Исследователи Библии) в концентрационных лагерях. Этот небольшой кусок фиолетовой ткани стал знаком не только страданий, но и нестигаемой стойкости перед лицом абсолютного зла. Он свидетельствовал об отказе подчиниться режиму, который требовал безоговорочной лояльности фюреру, а не Богу.

На другом полюсе — современная Россия, где инструментом подавления стала не государственная идеология, а гибкая и всеобъемлющая статья 282 Уголовного кодекса — «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Подкрепленная федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», эта правовая норма была трансформирована в оружие, позволяющее криминализировать само существование мирной религиозной группы, ее вероучение, литературу и даже совместные молитвы. Решение Верховного Суда РФ от 20 апреля 2017 года о ликвидации всех 396 юридических лиц Свидетелей Иеговы в России стало юридическим Рубиконом, после которого репрессивная машина заработала в полную силу,

генерируя сотни уголовных дел, тысячи обысков и десятки реальных тюремных сроков. К январю 2024 года с уголовным преследованием столкнулись уже 792 верующих.

Центральный тезис этой книги заключается в том, что, несмотря на кардинальные различия в официальных идеологиях и историческом контексте, современные гонения на Свидетелей Иеговы в России являются не уникальным явлением, а структурной и методологической реинкарнацией тоталитарных практик, апробированных в Третьем рейхе. Речь не идет о прямом идеологическом тождестве нацизма и современного российского режима. Речь идет о преемственности репрессивного шаблона: технологии выявления, изоляции, дегуманизации и уничтожения организованной группы, чья система ценностей и лояльности находится вне контроля государства.

Эта книга докажет, что ключевые элементы этого шаблона воспроизводятся с поразительной точностью:

Создание псевдонаучной легитимации. Роль, которую в нацистской Германии играли аффилированные с Гестапо «религиозные эксперты» вроде теолога Вальтера Кюннета, в современной России выполняет «сектоведение» и «деструктология» Александра Дворкина и деятельность его ассоциации РАЦИРС. В обоих случаях «экспертиза» становится не инструментом познания, а идеологическим оружием для обоснования репрессий.

Технология дегуманизации через пропаганду. Как нацисты клеймили Свидетелей Иеговы «агентами мирового еврейства» и «пацифистскими разложенцами», так и современная антикультовая пропаганда представляет их «агентами Запада», «экстремистами» и «деструктивным культом», подрывающим «традиционные ценности» и «духовные скрепы». Цель одна — лишить группу человеческого облика и общественного сочувствия.

Юридический камуфляж. Нацистский режим использовал прямые указы и чрезвычайные декреты. Система Дворкина действует более изощренно, манипулируя размытыми формулировками антиэкстремистского законодательства. Однако конечный результат идентичен: создание правового механизма, который позволяет объявить вне закона любую совместную деятельность группы, превращая веру в состав преступления.

Эскалация от запрета к насилию. В обоих случаях за запретом литературы и организаций неотвратимо следуют массовые обыски, аресты, допросы, тюремные заключения и пытки. Исполнителями выступают органы государственной безопасности: Гестапо в прошлом, ФСБ и Следственный комитет — в настоящем.

Расследование, представленное на страницах этой книги, — это не богословский диспут и не защита доктрин Свидетелей Иеговы. Это историко-правовой и криминологический анализ государственной машины подавления. Мы будем опираться на документы, судебные протоколы, экспертные заключения, свидетельства жертв и анализ риторики преследователей, чтобы реконструировать анатомию этих двух кампаний. Наша задача — понять, как правовая система может быть извращена до такой степени, что чтение Библии в кругу единоверцев квалифицируется как тяжкое преступление против основ конституционного строя.

Этот путь исследования потребует от нас погружения в мрачные страницы истории и пристального взгляда на тревожную современность.

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ: МОДЕЛЬ РЕПРЕССИЙ

Глава 1. Третий рейх и «фиолетовые треугольники»: технологии тотального контроля

«Каждый Исследователь Библии должен быть истреблен». — Приказ Министерства внутренних дел Пруссии, 24 июня 1933 г.

«Их фанатизм почти невозможно сломить... они с радостью шли на смерть, твердо убежденные, что таким образом станут мучениками и войдут в Царство Иеговы... Их сила воли и стойкость перед лицом смерти были поразительны». — Рудольф Хёсс, комендант концлагеря Аушвиц (Освенцим)

Расследование технологий тотального контроля, примененных Третьим рейхом, должно начинаться с фундаментального вопроса: почему Свидетели Иеговы, тогда известные как Internationale Bibelforscher-Vereinigung (Международная ассоциация Исследователей Библии), стали одной из первых и наиболее яростно преследуемых групп после прихода нацистов к власти? В 1933 году в Германии их насчитывалось всего около 25 000 человек — капля в море нации, насчитывавшей более 60 миллионов. Они были аполитичны, не призывали к свержению власти и не обладали ни политическим, ни экономическим влиянием. На первый взгляд, они не представляли никакой угрозы для режима, который в тот момент был сосредоточен на сокрушении мощных политических противников — коммунистов, социал-демократов — и подготовке к реализации своей расовой доктрины.

Ответ на этот парадокс лежит в самой сути тоталитарного проекта. Нацизм стремился не просто к политической гегемонии, а к абсолютному, тотальному контролю над всеми сферами человеческой жизни. Ключевым инструментом для достижения этой цели была политика Gleichschaltung — «унификации» или «координации», — насильственного приведения всех общественных, политических и культурных институтов в соответствие с нацистской идеологией. Целью было создание монолитного «народного сообщества» (Volksgemeinschaft), в котором не оставалось места для альтернативных центров лояльности, независимых систем ценностей или личной совести, стоящей выше воли государства.

Именно здесь Свидетели Иеговы, со своей непоколебимой верностью не фюреру, а Богу Иегове, превратились из незначительного религиозного меньшинства в экзистенциальную угрозу. Их отказ был не политическим, а теологическим, но в условиях тоталитарного государства любое проявление нелояльности, даже пассивное, воспринималось как акт государственной измены. Они стали для нацизма идеальным «стресс-тестом» — проверкой на способность режима искоренить любое, даже самое безоружное, инакомыслие.

Преследование Свидетелей Иеговы не было случайностью или побочным продуктом антисемитской политики. Это была целенаправленная, методичная кампания, ставшая полигоном для отработки технологий социального контроля, которые впоследствии будут применяться в более широком масштабе. Изучение этой кампании — это вскрытие анатомии тоталитарной машины, демонстрация того, как она выявляет, изолирует, дегуманизирует и пытается уничтожить тех, кто осмеливается заявить: «Мы повинемся Богу как правителю, а не людям» (Деяния 5:29).

Анатомия непримиримости: Фундаментальный конфликт доктрин

Столкновение нацистской идеологии и веры Свидетелей Иеговы было неизбежным, поскольку представляло собой конфликт двух абсолютных, взаимоисключающих систем лояльности. Каждый аспект нацистской доктрины, требовавший безоговорочного подчинения, наталкивался на теологический принцип Свидетелей, который это подчинение исключал. Один из них касался принципа вождизма (Führerprinzip), противопоставленного теократии — власти Бога. Нацистское приветствие «Хайль Гитлер!» не было простой формальностью: это была ежедневная литургическая практика, утверждавшая Гитлера как спасителя нации. Для Свидетелей Иеговы произнесение этой фразы было равносильно идолопоклонству, нарушению первых двух из Десяти заповедей. Их отказ стал первым и самым публичным актом неповиновения: детей исключали из школ, взрослых увольняли с работы, их подвергали публичному ostracismu и избиениям за отказ поднять руку.

Этот конфликт переплетался с противоречием между концепцией народного сообщества (Volksgemeinschaft) и идеей всемирного братства. Нацизм требовал полной идентификации с «арийской расой» и немецкой нацией. Свидетели Иеговы считали себя частью международного братства верующих, выходящего за рамки национальных и расовых границ. Их всемирный центр находился в Бруклине (США), что в глазах пропаганды

делало их «не-немецким», подозрительным элементом, связанным с «еврейско-англо-американским» заговором. Они отказывались участвовать в националистических митингах и сборах средств, что изолировало их от «народного тела».

Ещё более острым было столкновение милитаризма и экспансии нацистского режима с пацифизмом и политическим нейтралитетом Свидетелей Иеговы. Отказ от любой формы военной службы на основании библейских заповедей («не убий», «вложи меч твой в его место») был прямым вызовом милитаристскому духу Рейха. В государстве, вся экономика и идеология которого были подчинены подготовке к тотальной войне, пацифист был не просто инакомыслящим, а предателем и «разложником». С началом войны этот отказ стал караться смертной казнью.

Наконец, принцип государственного контроля над всеми аспектами жизни нацистского режима конфликтовал с идеей отделения от «мира». Режим стремился контролировать всё: труд (через Германский трудовой фронт), досуг (через организацию «Сила через радость»), образование и политическую жизнь. Свидетели Иеговы, следуя библейскому призыву «быть не от мира», систематически отказывались вступать в партийные и профсоюзные организации, участвовать в выборах и плебисцитах. Этот отказ от участия воспринимался как подрыв единства нации.

Этот конфликт был не просто спором о религии. Это был фундаментальный спор о природе власти и границах ее полномочий. Для Гестапо отказ 10-летнего ребенка отдать салют флагу со свастикой был не детской шалостью, а опасной трещиной в монолите тотального государства. Свидетели Иеговы на практике демонстрировали, что существует авторитет выше фюрера и сила, неподвластная контролю режима. Именно это делало их не просто «проблемой», а экзистенциальной угрозой, которую, с точки зрения нацистской логики, необходимо было искоренить.

Хронология эскалации: от запрета до истребления

Репрессии против Свидетелей Иеговы не были актом. Они развивались методично и системно, демонстрируя логику затягивания тоталитарной петли.

1933 год: Первые удары и попытка диалога. Сразу после прихода Гитлера к власти 30 января 1933 года начинаются региональные гонения. 4 апреля власти Баварии запрещают деятельность Свидетелей. 10 апреля полиция и штурмовики СА занимают главный офис организации в Магдебурге и конфискуют имущество. Запреты следуют в других землях. Кульминацией становится 24 июня 1933 года, когда издается приказ о

запрете деятельности организации на территории Пруссии, крупнейшей земли Германии. В приказе прямо говорится: «Ассоциация... под видом научного исследования Библии проводит кампанию злостной агитации против государства и церкви... Таким образом, она подрывает основы культурной и нравственной жизни нашего народа». В попытке разъяснить свою аполитичную позицию и опровергнуть ложные обвинения, Свидетели Иеговы 25 июня 1933 года проводят съезд в Берлине, где принимают «Декларацию фактов». Этот документ, отправленный высшим чиновникам Рейха, был воспринят не как жест доброй воли, а как дерзкий вызов.

1934–1935 годы: Централизация преследований. 7 октября 1934 года Свидетели Иеговы по всей Германии и в других странах мира отправляют тысячи писем и телеграмм Гитлеру и правительственным чиновникам, протестуя против преследований. Эта скоординированная международная акция окончательно убеждает режим в том, что он имеет дело с мощной, управляемой из-за рубежа подпольной сетью. Реакция незамедлительна: Гестапо начинает массовые аресты. 1 апреля 1935 года издается общенациональный указ, полностью запрещающий деятельность «Международной ассоциации Исследователей Библии» на всей территории Рейха. Это решение формально передает дело из рук местной полиции в ведение центрального аппарата тайной государственной полиции — Гестапо.

1936–1938 годы: Систематизация террора. Гестапо формирует специальное подразделение (Sonderkommando) для систематической борьбы со Свидетелями Иеговы. Создается центральная картотека (Bibelforscherkartei), куда заносится информация о каждом известном верующем, его семье и контактах. Это становится основой для скоординированных общенациональных облав. Тысячи Свидетелей отправляются в тюрьмы и первые концентрационные лагеря. К 1939 году более 6 000 из них находятся в заключении.

1939–1945 годы: Война и политика истребления. С началом Второй мировой войны репрессии достигают пика. Отказ от несения военной службы теперь квалифицируется как Wehrkraftzersetzung («подрыв военной мощи») и карается смертью. 15 сентября 1939 года в концлагере Заксенхаузен по личному приказу Гиммлера публично расстреливают 29-летнего Свидетеля Августа Дикманна. Его казнь была актом устрашения, призванным сломить волю других заключенных Свидетелей. Однако, по свидетельствам очевидцев, она возымела обратный эффект, укрепив их решимость. В последующие годы сотни Свидетелей будут казнены военными трибуналами. Всего за время нацистского режима около 11 300 Свидетелей Иеговы подверглись преследованиям, более 4

200 были заключены в концлагеря. По разным оценкам, от 1 400 до 1 700 человек погибли, из них около 270 были казнены за отказ от военной службы.

Юридическая машина террора: Закон как инструмент подавления

Нацистский режим, особенно на ранних этапах, стремился придать своим действиям видимость законности. Для преследования Свидетелей Иеговы была создана и адаптирована целая система правовых актов, которая фактически превратила закон из щита гражданина в оружие государства.

Декрет Рейхспрезидента «О защите народа и государства» (28 февраля 1933 г.). Этот указ, изданный сразу после поджога Рейхстага, стал юридическим фундаментом нацистского террора. Он отменял ключевые гражданские свободы, гарантированные Веймарской конституцией: свободу личности, свободу слова, свободу собраний, тайну переписки. Ключевым нововведением стал инструмент «защитного ареста» (Schutzhaft). Он давал Гестапо право арестовывать и бессрочно содержать любое лицо в тюрьме или концентрационном лагере без предъявления обвинений, без судебного решения и без права на обжалование. Это был юридический черный ход, который позволял обходить правосудие. Именно на основании Schutzhaft большинство Свидетелей Иеговы оказались в лагерях, став жертвами полицейского произвола, замаскированного под чрезвычайный закон.

Специальные указы и постановления. Запрет деятельности Свидетелей Иеговы был оформлен рядом прямых постановлений, которые были наполнены идеологическими клише, а не юридическими доказательствами. Они обвиняли верующих в «подрывной деятельности», «связях с коммунистами и евреями» и создании «государства в государстве». Эти указы служили административной базой для конфискации имущества, закрытия типографий и залов для встреч.

Военно-уголовное законодательство. С началом войны в полную силу заработало Постановление о чрезвычайном военном уголовном праве от 17 августа 1938 года. Его параграф 5 вводил понятие «подрыва военной мощи» (Wehrkraftzersetzung). Это была чрезвычайно расплывчатая формулировка, под которую можно было подвести любое действие или высказывание, которое могло быть истолковано как ослабляющее волю нации к войне. Отказ от службы в армии, распространение пацифистских идей, даже выражение сомнений в победе — все это становилось преступлением, каравшимся

длительным тюремным заключением или смертной казнью. Именно по этой статье были вынесены сотни смертных приговоров Свидетелям Иеговы.

Эта юридическая архитектура демонстрирует ключевую технологию тоталитарной юстиции: она не столько создает новые законы, сколько извращает существующие, наполняя их новым, репрессивным содержанием и создавая параллельную систему внесудебной расправы.

Физическому насилию всегда предшествует насилие информационное. Прежде чем отправить Свидетелей Иеговы в концлагеря, нацистский режим должен был убедить немецкое общество в том, что они — опасные враги, не заслуживающие сочувствия.

Пропагандистская машина Йозефа Геббельса создала демонический образ Свидетелей Иеговы, используя несколько ключевых нарративов:

Политическая нелояльность и шпионаж: их представляли как «авангард мирового еврейства», «агентов американского капитала» и «пацифистских разложенцев», чья деятельность управляется из-за рубежа и направлена на подрыв немецкого государства.

Антисоциальное поведение: их обвиняли в разрушении семей, отказе от участия в общественной жизни и фанатизме.

Еретичество и богохульство: пропаганда, направленная на традиционно верующих немцев, изображала их как опасную секту, извращающую христианство.

Ключевую роль в «научном» обосновании этих обвинений сыграли аффилированные с режимом «религиозные эксперты». Центральной фигурой здесь был лютеранский теолог Вальтер Кюннет и его Апологетический центр (Apologetische Centrale). Этот центр, тесно сотрудничавший с Гестапо, готовил «экспертные» заключения, которые служили идеологическим прикрытием для репрессий. В своих работах Кюннет характеризовал Свидетелей Иеговы не как христианскую конфессию, а как «синкретическую еврейско-американскую секту» с «разрушительным» и «антигосударственным» учением.

Эта технология — подмена объективного религиоведения ангажированной «экспертизой», работающей по политическому заказу, — стала классическим инструментом авторитарных режимов. Она позволяла режиму утверждать, что он борется не со свободой совести, а с «опасным культом», и предоставляла карательным органам готовое идеологическое алиби. Апологетический центр фактически выполнял функции разведывательного подразделения, собирая и анализируя информацию для Гестапо и помогая формировать общественное мнение.

Механизмы подавления: гестапо, концлагеря и слом воли

Практическая реализация истребления группы была возложена на Гестапо и разветвленную систему концентрационных лагерей. Их методы представляли собой отлаженный конвейер подавления.

Для борьбы со Свидетелями Иеговы в структуре Гестапо было создано специальное подразделение. Его задачей было не только арестовывать активных верующих, но и полностью уничтожить их подпольную сеть, которая после запрета продолжала печатать и распространять литературу. Гестапо применяло следующие методы:

Тотальная слежка и создание картотек: создавались подробные досье на каждого известного верующего, включая его родственников, друзей и предполагаемых единомышленников.

Вербовка информаторов: гестапо пыталось внедрять в общины своих агентов и вербовать осведомителей из числа сломленных или колеблющихся верующих.

Жесткие допросы и пытки: арестованных подвергали физическим и психологическим пыткам, чтобы выбить информацию о структуре подполья, местах хранения литературы и именах других участников.

Фиолетовый треугольник: символ стигмы и стойкости

С 1937 года для заключенных Свидетелей Иеговы был введен специальный отличительный знак — нашивка в виде фиолетового треугольника (lila Winkel). Этот символ должен был стигматизировать и изолировать их от других групп заключенных. Однако внутри лагерей он неожиданно стал знаком их уникального статуса и несгибаемой стойкости.

Лагерная администрация СС быстро обнаружила парадоксальную особенность «бибельфоршеров». С одной стороны, они были «неисправимыми» в своих убеждениях. С другой — их религиозные принципы (честность, трудолюбие, отказ от насилия и попыток побега) делали их идеальными работниками. Комендант Аушвица Рудольф Хёсс в своих мемуарах отмечал, что эсэсовцы охотно использовали Свидетелей Иеговы в качестве домашней прислуги и на сельскохозяйственных работах, так как были уверены в их надежности. Этот парадокс — быть одновременно самым презируемым и самым «надежным» заключенным — делал их положение в лагерной иерархии уникальным.

Нацистский режим предложил Свидетелям Иеговы то, чего не предлагал ни одной другой группе заключенных (за исключением некоторых категорий «асоциальных»

элементов) — возможность немедленного освобождения. Для этого нужно было лишь подписать «Заявление об отречении» (Erklärung).

Этот документ был не просто формальным отказом от веры. Он был инструментом психологического и духовного уничтожения, требуя от подписавшего: признать, что учение Международной ассоциации Исследователей Библии является ложным; торжественно выйти из организации и никогда не принимать участия в ее деятельности; обязаться сообщать властям о любых попытках вербовки или деятельности других Свидетелей; заявить о своей полной лояльности нацистскому государству и готовности защищать «отечество» с оружием в руках.

Подписание этого документа означало не просто спасение собственной жизни, а предательство своих убеждений, своих единоверцев и своего Бога. Это был дьявольский выбор между физической свободой и духовной смертью. Тот факт, что подавляющее большинство заключенных Свидетелей Иеговы — по разным оценкам, более 95% — отказались подписать это заявление, предпочтя страдания, заключение и смерть, является самым мощным свидетельством их стойкости и силы их убеждений.

Война против детей: насильственное «перевоспитание»

Режим понимал, что для полного искоренения группы необходимо разорвать связь между поколениями. Детей Свидетелей Иеговы систематически подвергали давлению в школах, а затем насильно отбирали у родителей для «перевоспитания» в нацистских исправительных учреждениях и лояльных режиму семьях. Власти лишали родителей родительских прав на основании того, что их вера «мешает правильному воспитанию детей в духе национал-социализма». История семьи Куссеров, у которой отобрали детей за отказ отправлять их в Гитлерюгенд, или история Симоны Арнольд (в девичестве Либстер), пережившей нацистскую «исправительную» школу, являются трагическими примерами этой жестокой политики.

Преследование Свидетелей Иеговы в Третьем рейхе не было ни случайным, ни иррациональным. Оно было логичным и последовательным проявлением тоталитарной природы нацистского режима. На примере этой небольшой группы режим отработал и усовершенствовал универсальный репрессивный шаблон, который включал в себя следующие ключевые технологии:

Идеологическое обоснование: выявление группы, чьи ценности фундаментально противоречат тоталитарной доктрине, и объявление ее экзистенциальным врагом.

Пропагандистская дегуманизация: создание образа врага через государственные СМИ и лишение группы человеческих черт в глазах общества.

Псевдонаучная легитимация: привлечение лояльных «экспертов» для создания наукообразного прикрытия для политических репрессий.

Юридическое оформление террора: использование чрезвычайных декретов и извращение существующего законодательства для создания видимости законности преследований.

Систематическое полицейское подавление: создание специализированных карательных органов (как Sonderkommando Гестапо) для тотальной слежки, арестов и уничтожения организационных структур.

Психологическое уничтожение: применение методов, направленных на слом воли и совести, таких как принуждение к отречению и разлучение семей.

Эта модель оказалась пугающе эффективной. Она позволила режиму за несколько лет практически полностью изолировать и нейтрализовать группу, чья единственная «вина» заключалась в отказе отдать свою совесть под контроль государства. Этот исторический прецедент, запечатленный в фиолетовом треугольнике, служит эталоном, с которым мы будем сравнивать современные события, чтобы понять, как технологии тотального контроля могут возрождаться в новых исторических условиях.

ЧАСТЬ II. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: РЕАНИМАЦИЯ ШАБЛОНА

Глава 2. Информационная война: роль пропаганды тогда и сейчас

«Пропаганда утрачивает силу, как только она становится явной».

Йозеф Геббельс

«Подавляющее большинство тоталитарных сект... стремятся к тоталитарному контролю над миром, к мировому господству. Практически у каждой из них в той или иной степени есть планы по захвату власти над миром, как бы это невероятно ни звучало, и есть какая-то схема идеального устройства, которое они собираются установить, если придут к власти». — Александр Дворкин.

Физическое насилие — это всегда финальный акт драмы. Прежде чем государство надевает мундир палача, оно облачается в мантию обвинителя. А прежде, чем судья выносит приговор, общество уже выносит свой вердикт, сформированный не представленными в суде доказательствами, а непрерывным потоком идеологически заряженных сообщений. Информационная война — это артиллерийская подготовка перед наступлением репрессивной машины. Ее цель — не убедить, а деморализовать противника, лишить его общественной поддержки и, что самое главное, «расчеловечить» в глазах большинства, превратив из соседа, коллеги или просто согражданина в абстрактный символ угрозы.

Сравнительный анализ пропагандистских кампаний, развернутых против Свидетелей Иеговы в нацистской Германии и современной России, обнажает пугающую преемственность технологий создания врага. Несмотря на кардинально различные исторические контексты, идеологические доктрины и технологические возможности, фундаментальные принципы информационной войны остаются неизменными. Это война, в которой главным полем боя является сознание, а главным оружием — слово, превращенное в яд.

Наше расследование в этой главе будет сосредоточено на трех ключевых аспектах этой войны:

Архитектура ненависти: как конструируется образ врага и какие обвинения ложатся в его основу.

Лингвистическое оружие: как язык вражды и псевдонаучная терминология используются для дегуманизации и лишения жертвы права на сочувствие.

Машины пропаганды: через какие каналы распространяется ненависть и как завуалированные призывы к насилию маскируются под «информирование» и «экспертное мнение».

Это анатомия того, как из мирной, аполитичной группы верующих лепят образ экзистенциального врага государства, оправдывая тем самым любые последующие действия — от конфискации имущества до пыток и тюремных сроков.

Архитектура ненависти: создание образа врага

Любая успешная пропагандистская кампания начинается с формулирования главного обвинения — простого, понятного и вызывающего сильную эмоциональную реакцию. Этот «первородный грех» должен быть таким, чтобы он делал преследуемую группу чужой и опасной для остального общества.

В Третьем рейхе, государстве, построенном на идеологии тотального контроля и расового превосходства, главный грех Свидетелей Иеговы был очевиден — политическая нелояльность. Они отказывались быть частью Volksgemeinschaft («народного сообщества»). Пропаганда Геббельса выстроила обвинение на трех китах, каждый из которых бил в самое сердце нацистской доктрины:

Неповиновение тотальной власти: отказ от нацистского приветствия («Хайль Гитлер!») и от вступления в партийные организации был представлен не как акт совести, а как акт открытого неповиновения фюреру и государству.

Интернационализм как шпионаж: тот факт, что всемирная организация Свидетелей Иеговы управлялась из Бруклина (США), позволил пропаганде легко навесить ярлык «агентов американского капитала» и «авангарда мирового еврейства». В условиях нараставшей международной напряженности это превращало их в «пятую колонну».

Пацифизм как предательство: отказ от службы в вермахте был самым тяжким преступлением против милитаризованного государства. Пропаганда изображала это не как религиозное убеждение, а как трусость и саботаж, подрывающий военную мощь нации.

В нацистских публикациях того времени, таких как еженедельник *Das Schwarze Korps* (официальный орган СС), Свидетели Иеговы систематически изображались как «подрывные элементы», «распространители яда» и «фанатики», чья деятельность «направлена на разложение немецкого народа». Эта риторика напрямую увязывала их веру с угрозой государственной безопасности, что и стало юридическим основанием для их преследования.

Российская реинкарнация: враг под маской «экстремиста»

В современной России, формально являющейся правовым государством с конституционной гарантией свободы совести, прямое обвинение в «политической нелояльности» или «неправильной вере» было бы слишком откровенным нарушением собственных законов. На смену образу «политического врага» пришел более изощренный и юридически гибкий образ «экстремиста» — врага социального, правового и, что важнее всего, врага «традиционных ценностей».

Пропагандистская машина, интеллектуальным ядром которой стала деятельность Александра Дворкина и его ассоциации РАЦИРС, выстроила новое обвинение на следующих тезисах:

Разрушение «духовных скреп» и семьи: это самый эмоционально заряженный и часто используемый троп. Государственные СМИ и «антисектантские» активисты систематически тиражируют истории о распавшихся семьях, людях, «продавших квартиры» и отказавшихся от общения с родственниками. Свидетели Иеговы представляются как хищники, разрушающие базовую ячейку общества.

Иностранное влияние: как и в нацистской Германии, постоянно подчеркивается, что «центр принятия решений находится за рубежом». Это позволяет апеллировать к постсоветским фобиям и изображать верующих не как сограждан, а как проводников чуждого, враждебного влияния, нацеленного на подрыв суверенитета страны.

«Экстремизм» как криминальная деятельность: благодаря размытым формулировкам Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» преступлением становится не оппозиционная деятельность, а само вероучение. Утверждение Свидетелей Иеговы об истинности своей религии трактуется прокуратурой и «экспертами» как «утверждение превосходства по признаку религиозной принадлежности», что и является, согласно закону, признаком экстремизма. Пропаганда систематически ставит знак равенства: Свидетели Иеговы — экстремизм — терроризм.

Сравнительный анализ: от политической измены к социальной патологии

Сравнение двух подходов показывает не столько различие, сколько адаптацию пропагандистского инструментария к изменившимся условиям. В нацистской Германии Свидетелей Иеговы обвиняли в политической нелояльности фюреру, в то время как в современной России их упрекают в подрыве «традиционных ценностей» и «духовной безопасности», — и в обоих случаях общая цель заключается в том, чтобы изобразить группу как угрозу для фундаментальных основ общества. Аналогично, в Германии их представляли как агентов мирового еврейства и американского капитала, а в России — как агентов Запада и иностранных агентов, стремясь тем самым представить группу как чуждый, управляемый извне элемент. Обвинение в подрыве военной мощи через пацифизм в нацистском контексте перекликается с современными упреками в разрушении семьи и отказе от переливания крови, где целью становится обвинение в антисоциальном поведении, наносящем прямой вред гражданам. Наконец, в Германии их действия квалифицировались как преступление против Рейха, а в России — как экстремистская деятельность, что позволяет криминализировать группу и перевести конфликт из идеологической плоскости в юридическую.

Ключевой вывод заключается в том, что обе пропагандистские системы выполняют одну и ту же задачу: они перекодируют религиозную идентичность в категорию угрозы. В нацистской Германии религиозная группа была перекодирована в политического врага. В современной России она перекодирована в социально опасного преступника-экстремиста. Результат в обоих случаях одинаков — создание легитимной основы для государственных репрессий и лишение группы права на общественное сочувствие.

Лингвистическое оружие: дегуманизация через «язык вражды»

Создав образ врага, пропаганда переходит ко второму, решающему этапу — его дегуманизации. Человека необходимо лишить человеческих черт, превратить в абстракцию, в символ зла, в объект, к которому не применимы нормы морали и сострадания. Это достигается за счет создания специального языка — «языка вражды».

Нацистская пропаганда активно использовала набор уничижительных терминов, которые выводили Свидетелей Иеговы за рамки нормального человеческого сообщества:

Sekte (секта): уже тогда этот термин нес негативную коннотацию, подразумевая нечто замкнутое, странное и враждебное по отношению к общепринятым нормам.

Fanatiker (фанатики): это слово подчеркивало иррациональность и одержимость верующих, представляя их как людей, потерявших здравый смысл и потому опасных.

Hetzer (подстрекатели, агитаторы): этот термин напрямую связывал их деятельность с политическим саботажем и подрывной агитацией.

Эти и подобные им слова, постоянно повторяемые в прессе и на радио, создавали образ группы психически неуравновешенных, асоциальных и враждебных элементов, которые не заслуживают защиты закона, а требуют «санитарной» обработки со стороны государства.

В России технологию лингвистической дегуманизации усовершенствовал и вывел на системный уровень Александр Дворкин. Он импортировал и адаптировал для российской аудитории псевдонаучные термины, которые стали мощнейшим оружием в информационной войне.

«Тоталитарная секта» и «деструктивный культ»: эти словосочетания, не имеющие строгого научного или юридического определения, стали главным брендом «антикультистского» движения. Они гениальны в своей пропагандистской эффективности. Слово «тоталитарная» вызывает прямые ассоциации с фашизмом и сталинизмом, а «деструктивный» — с разрушением. Таким образом, любая группа, к которой приклеен этот ярлык, автоматически воспринимается как нечто злокачественное и требующее уничтожения. Дворкин сам подчеркивал фатальность этого термина: «Сектант — это даже не диагноз, это, если хотите, приговор».

«Зомби», «рабы», «марионетки»: эта группа терминов направлена на то, чтобы лишить верующих их собственной воли и субъектности. В риторике Дворкина и его последователей члены «сект» — это не люди, сделавшие сознательный выбор, а жертвы «контроля сознания» и «промывки мозгов». Они не верят, а «завербованы»; не молятся, а «выполняют ритуалы». Это позволяет утверждать, что репрессии направлены не против людей, а на их «освобождение».

«Паразиты», «социальные изживенцы»: это обвинение направлено на то, чтобы вызвать социальную и экономическую ненависть.

«Сектанты, они не работают, они не приносят пользы обществу... Они могут только... выжимать, выжимать и выжимать деньги из государства и людей, выжимать силы, выжимать здоровье, выжимать труд...» — Александр Дворкин, из лекции в Екатеринбурге, 1996 г.

Эта риторика низводит верующих до уровня вредителей, которые не вносят вклад в жизнь общества, а лишь потребляют его ресурсы. Невысказанный, но логичный вывод из такого утверждения — от паразитов необходимо избавляться.

От слов к насилию: причинно-следственная связь

Последствия такой дегуманизации трагичны и предсказуемы. Она не только готовит почву для государственных репрессий, но и провоцирует насилие «снизу», создавая в обществе атмосферу, в которой нападение на «сектанта» воспринимается не как преступление, а как акт гражданского долга. Многочисленные задокументированные случаи нападений на Свидетелей Иеговы в России являются прямым следствием этой многолетней кампании ненависти.

12 сентября 2009 года в городе Звенигород мужчина, увидев Свидетелей Иеговы на улице, заявил: «Мы уже сожгли ваш зал, а вы тут ходите», после чего ударил одного из них. Спустя месяц, 19 октября 2009 года, в селе Чемодановка Пензенской области ребенок из семьи Свидетелей Иеговы был избит в школе одноклассником, который кричал: «Ты сектант» — этому инциденту предшествовала серия клеветнических телепередач на местном телевидении. Ещё через несколько месяцев, 29 января 2010 года, в городе Баймак Башкортостана местный житель напал на двух женщин-Свидетелей Иеговы, когда они выходили из подъезда: он столкнул одну из них с лестницы, а затем принялся избивать ногами, выкрикивая оскорбления, связанные с их религиозной принадлежностью.

Эти и сотни других подобных инцидентов — не случайные проявления хулиганства. Это запрограммированный результат информационной войны, в которой на протяжении многих лет людям внушали, что их соседи — это не просто инаковерующие, а опасные «сектанты», «зомби» и «враги».

Для того чтобы ненависть стала массовым явлением, необходимы мощные, централизованные каналы ее распространения. И в нацистской Германии, и в современной России для этого были созданы эффективные пропагандистские машины, которые, несмотря на технологические различия, работали по схожим принципам.

В Третьем рейхе система была выстроена предельно просто и эффективно. Министерство народного просвещения и пропаганды под руководством Йозефа Геббельса установило тотальный контроль над всеми средствами массовой информации: радио, прессой, кинематографом. Пропаганда была централизованной, директивной и

всепроникающей. Негативный образ Свидетелей Иеговы формировался через прямые указания, спущенные в редакции газет, и через специальные пропагандистские материалы, такие как брошюры и фильмы.

Российская гибридная модель: симбиоз Церкви, государства и СМИ

В современной России система пропаганды устроена сложнее и выглядит как гибридная модель, основанная на неформальном, но крайне эффективном симбиозе трех сил:

Идеологический центр (РАЦИРС). Организация Александра Дворкина и ее региональные филиалы, действующие зачастую на базе епархий Русской православной церкви, выполняют функцию «фабрики смыслов». Они генерируют контент: книги, лекции, брошюры, «экспертные» заключения. Они создают и популяризируют тот самый язык вражды («тоталитарная секта», «деструктология»), который затем подхватывают другие участники системы.

Государственное санкционирование (Минюст, силовые структуры). Государство в лице Министерства юстиции и правоохранительных органов (ФСБ, Следственный комитет, МВД) выступает главным потребителем и легитимизатором этой идеологии. «Экспертные» заключения Дворкина и его коллег ложатся в основу судебных решений о признании литературы «экстремистской». Сами силовики проходят обучение на семинарах «сектоведов», усваивая их терминологию и методы. Таким образом, государство придает псевдонаучной доктрине силу закона.

Массовое распространение (Федеральные СМИ). Государственные и прогосударственные телеканалы служат главным рупором пропаганды. В России сложился целый жанр — «разоблачительный» телерепортаж о «сектах». Его структура шаблонна и рассчитана на максимальный эмоциональный эффект: тревожная музыка, съемка скрытой камерой, душераздирающие анонимные показания «бывших адептов», нарезка пугающих цитат из религиозной литературы и, в качестве финального аккорда, авторитетный комментарий «эксперта» — как правило, Александра Дворкина. Такой репортаж — это не журналистика, а короткометражный пропагандистский фильм, задача которого — не информировать, а вызвать страх и ненависть.

Искусство подстрекательства: завуалированные призывы к насилию

Это самый тонкий и самый циничный аспект информационной войны. И нацистские идеологи, и современные «антикультисты» прекрасно понимают, что прямые призывы к насилию могут быть контрпродуктивны и даже уголовно наказуемы. Поэтому они используют технику завуалированного подстрекательства, когда прямого призыва нет, но сама логика повествования подталкивает аудиторию к единственно возможному выводу.

Нацистская пресса часто использовала риторические вопросы и «предупреждения». Например, статья могла заканчиваться вопросом: «Доколе мы будем терпеть этих разносчиков яда в теле нашей нации?». Формально это вопрос, но по сути — призыв к действию.

Риторика Дворкина и РАЦИРС фактически дублирует нацистскую риторику. Он редко говорит: «Нападайте на Свидетелей Иеговы». Вместо этого он выстраивает логические конструкции, которые делают насилие или репрессии неизбежным следствием.

Метафора болезни: когда «секта» называется «раковой опухолью на теле общества», вывод напрашивается сам собой: опухоль необходимо вырезать.

Метафора войны: когда деятельность религиозной группы описывается в терминах военной агрессии («идет война за души наших детей», «это экспансия»), ответной реакцией должна быть защита и контратака.

Риторика угрозы национальной безопасности: когда Дворкин заявляет, что Свидетели Иеговы — это «угроза национальной безопасности России», он фактически обращается к государству с призывом применить для ее нейтрализации весь свой силовой аппарат.

Эта стратегия позволяет пропагандистам формально оставаться в рамках закона, перекладывая ответственность за последующее насилие на «сознательных граждан» или на государство, которое «вынуждено реагировать на угрозу». Это и есть квинтэссенция информационной войны: создать такую реальность, в которой преследование инакомыслящих кажется не преступлением, а актом самозащиты.

Голоса из эпицентра войны: свидетельства жертв

За сухими строками пропагандистских клише и юридических формулировок всегда скрываются живые люди, чьи жизни были разрушены информационной войной. Их свидетельства — самое мощное опровержение лжи и самое убедительное

доказательство разрушительной силы ненависти. Они показывают, как информационная война материализуется в виде выломанных дверей, сфабрикованных обвинений и сломанных судеб.

История семьи Поляковых из Омска является хрестоматийным примером того, как пропагандистский нарратив об «опасных экстремистах» превращается в реальное насилие и последующий юридический фарс. Утром 4 июля 2018 года в их квартиру ворвались сотрудники СОБР в масках и с автоматами. 54-летний Сергей Поляков был жестоко избит на глазах у своей жены Анастасии. Его повалили на пол, били ногами и руками.

Но самое показательное в этой истории — то, что произошло дальше. После рейда и избиения было возбуждено уголовное дело не против силовиков, а против самих Поляковых. Сергея и Анастасию обвинили в нападении на сотрудников правоохранительных органов при исполнении (ст. 318 УК РФ). Логика обвинения была сюрреалистичной: мирная, безоружная семья якобы напала на вооруженный до зубов отряд спецназа. Такой сценарий мог показаться правдоподобным только в реальности, искаженной многолетней пропагандой, где Свидетели Иеговы — это не обычные верующие, а априори опасные и агрессивные «экстремисты».

В своем последнем слове в суде Анастасия Полякова так описала происходящее:

«Моего мужа избивали, а теперь его судят за то, что он якобы на кого-то напал. Это какой-то театр абсурда. Мы — мирные люди, мы никогда в жизни не держали в руках оружия и не применяли насилие. Все обвинение построено на лжи, которая стала возможной только потому, что нас заклеили словом «экстремисты»».

В итоге, после двух лет судебных разбирательств, Сергей Поляков был приговорен к крупному штрафу и условному сроку, а его жена Анастасия была оправдана. Но сам прецедент наглядно демонстрирует конечный продукт информационной войны: создание такой правовой и психологической атмосферы, в которой жертва и преступник меняются местами, а насилие со стороны государства против «врага» не просто оправдывается, но и оформляется как акт самозащиты.

Дело Поляковых — не единичный случай. Правозащитные организации задокументировали десятки инцидентов, следующих схожему сценарию: насильственные рейды, подбрасывание запрещенной литературы для фабрикаций улик, угрозы отобрать детей у родителей, если те не дадут признательные показания, и возбуждение уголовных дел по абсурдным обвинениям.

Другой Свидетель Иеговы, Константин Баженов, приговоренный к реальному сроку, в своем последнем слове в суде так описал абсурдность своего положения:

«Высокий суд, меня обвиняют в совершении преступления экстремистской направленности. Но за все время следствия и судебных разбирательств я не услышал ни одного конкретного факта, который бы доказывал мою вину. Ни одного потерпевшего. Ни одного свидетеля, которому я причинил бы вред. Все обвинение построено на том, что я верю в Бога Иегову, читаю Библию и делюсь своими убеждениями с другими. Если это экстремизм, то я не понимаю значения этого слова. [...] Я не враг своему народу и своей стране. Я просто хочу пользоваться своим конституционным правом — верить в то, во что я считаю правильным».

Эти слова показывают пропасть между реальностью, в которой живут верующие, и той искаженной картиной, которую создает пропаганда. Информационная война удалась: для государства и части общества мирный верующий, цитирующий Библию, стал опаснее вооруженного преступника.

Проведенный анализ доказывает, что информационная война против Свидетелей Иеговы в нацистской Германии и современной России, несмотря на все различия, велась по единому лекалу. Это технология, состоящая из трех последовательных шагов:

Криминализация через ярлык: создание образа врага путем навешивания юридически или идеологически заряженного ярлыка («враг Рейха» / «экстремист»).

Дегуманизация через язык: лишение человеческих черт с помощью языка вражды и псевдонаучной терминологии («фанатики» / «зомби»), что делает насилие по отношению к ним приемлемым.

Легитимация через пропаганду: использование государственных или аффилированных с государством СМИ для массового распространения ненависти и создания атмосферы моральной паники, в которой репрессии выглядят необходимой мерой.

История Свидетелей Иеговы — это хрестоматийный пример того, как работает эта технология. Они стали идеальной мишенью и для нацистов, и для современных российских властей, потому что их аполитичность, пацифизм и организационное единство делали их одновременно и легкой, и важной целью. Легкой — потому что они не отвечали насилием на насилие. Важной — потому что победа над ними демонстрировала способность режима подавить любое, даже самое безобидное инакомыслие.

Информационная война, развязанная против них, — это не просто частный случай религиозной нетерпимости. Это испытательный полигон для технологий социального контроля, которые, будучи однажды апробированными на меньшинстве, могут быть с легкостью распространены на все общество. Изучение этих технологий — это не только акт восстановления исторической справедливости, но и жизненно важный урок для

любого общества, которое хочет сохранить свободу. Ведь, как показывает история, путь в концлагерь всегда начинается со слов.

Глава 3. Александр Дворкин и РАЦИРС: архитекторы «духовной безопасности»

«Культы не обогащают людей, они только высасывают из общества соки, ресурсы, вербуют людей, которые полностью вынимаются из общественной жизни, выкачивают из общества финансы в свои закрытые и непрозрачные системы. Все это напоминает раковую опухоль, которая высасывает соки из человеческого организма, пока не убьет его». — Александр Дворкин.

Каждая государственная репрессивная кампания нуждается не только в исполнителях, но и в идеологах — в тех, кто облечет политический заказ в наукообразную форму, кто создаст язык ненависти и предоставит карательным органам интеллектуальное алиби. Прежде чем силовики выламывают дверь в квартиру мирной семьи, в общественное сознание должна быть выломана дверь терпимости. Прежде чем человека отправят в тюрьму за его веру, эту веру необходимо объявить преступлением. В современной России ключевую роль в этом процессе — роль главного архитектора идеологии преследований — сыграл один человек: Александр Леонидович Дворкин и созданная им структура, «Российская ассоциация центров изучения религий и сект» (РАЦИРС).

Эта глава — анатомия того, как частная, по сути, инициатива одного человека, движимого конфессиональной ревностью и личными амбициями, смогла мутировать в квазигосударственный институт, который предоставил репрессивной машине все необходимое для полномасштабной войны против религиозного меньшинства: псевдонаучную доктрину, организационную сеть, административный ресурс и, что самое главное, — легитимацию насилия. История Дворкина и РАЦИРС — это не просто история критики «нетрадиционных религий». Это история конструирования врага, история о том, как богословские споры были целенаправленно переведены на язык национальной безопасности, а свобода совести была принесена в жертву концепции «духовной безопасности».

Анализ деятельности Дворкина и его ассоциации показывает, что они не были пассивными комментаторами или независимыми исследователями. Они стали незаменимым звеном в репрессивной цепи, выступив в роли интеллектуального подрядчика для государственного заказа по зачистке религиозного поля страны. Они создали язык, на

котором заговорили прокуроры, следователи и судьи. Они подготовили «экспертные» заключения, которые легли в основу обвинительных приговоров. Они провели сотни лекций для сотрудников силовых структур, обучая их видеть в верующих не граждан с конституционными правами, а адептов «деструктивных культов», подрывающих основы государства.

Чтобы понять, как это стало возможным, необходимо последовательно изучить генезис самого «сектоведа», его идеологический арсенал, созданное им организационное оружие и, наконец, фатальный симбиоз, в который он вступил с Русской православной церковью и российским государством. Этот анализ неизбежно приводит к выводу, что деятельность Дворкина и РАЦИРС стала не просто одним из факторов, а необходимым условием для того, чтобы запрет и преследование Свидетелей Иеговы в России стали реальностью. Они построили теоретический фундамент, на котором государство возвело здание репрессий.

Генезис «сектоведа»: от эмиграции к крестовому походу

Путь Александра Дворкина к статусу главного «сектоборца» России не был предопределен, но он оказался поразительно созвучен историческому моменту. Его биография, разделенная на два периода — советский/эмигрантский и постсоветский, — дала ему уникальный набор навыков и легитимности, который он смог эффективно конвертировать в политический капитал в условиях хаоса 1990-х.

Родившийся в 1955 году в Москве, Дворкин принадлежал к поколению, чья юность пришлась на период «застоя». По его собственным словам, он был частью движения хиппи, а в 1977 году, в возрасте 22 лет, эмигрировал из СССР. Оказавшись в Соединенных Штатах, он получил американское гражданство, окончил Хантер-колледж в Нью-Йорке и Свято-Владимирскую православную духовную семинарию. В течение нескольких лет он работал на радиостанции «Свобода» в Мюнхене, что в глазах определенной части постсоветской элиты придавало ему одновременно и ореол «борца с режимом», и репутацию человека, знакомого с западным миром не понаслышке.

Ключевой момент наступил в 1991 году. На фоне распада СССР и отмены государственной политики атеизма Дворкин возвращается в Россию. Он прибывает в страну, переживающую небывалый религиозный бум. Десятилетия подавления духовных поисков сменились полной свободой, и в образовавшийся вакуум хлынули не только традиционные конфессии, но и многочисленные новые религиозные движения (НРД), как

западные, так и восточные: протестантские проповедники, мормоны, кришнаиты, сайентологи и, конечно, Свидетели Иеговы, чья деятельность в СССР была под запретом и жестоко преследовалась.

Для Русской православной церкви, которая сама только начинала восстанавливаться после десятилетий гонений и пыталась утвердить свой статус главного духовного института нации, этот «парад религий» стал настоящим шоком. Она столкнулась с конкуренцией на своей «канонической территории», к которой была совершенно не готова. В этой атмосфере растерянности и тревоги и появляется Александр Дворкин.

Он предложил РПЦ именно то, в чем она отчаянно нуждалась: не просто традиционную богословскую критику «ересей», а современную, наукообразную и, что самое важное, прикладную идеологию для борьбы с конкурентами. Дворкин привез из США не только диплом теолога, но и концептуальный аппарат западного антикультового движения (АКД). Он понял главное: чтобы эффективно бороться с НРД в современном мире, нужно говорить не столько о спасении души, сколько об угрозе для общества. Он перевел дискурс из плоскости теологии в плоскость социологии, психологии и, в конечном счете, национальной безопасности.

Его главным интеллектуальным продуктом стала книга «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования», первое издание которой появилось в середине 1990-х годов. Эта работа, выдержавшая несколько переизданий и постоянно дополнявшаяся, стала настольной книгой для нескольких поколений священников, чиновников и силовиков. Она — не академическое религиоведение (religious studies), которое стремится к объективному и беспристрастному изучению феномена. Это именно «сектоведение» — прикладная, полемическая дисциплина, созданная с одной целью: выявить, дискредитировать и способствовать нейтрализации идеологического противника. В предисловии к третьему изданию книги протоиерей Димитрий Смирнов, одна из самых влиятельных и неоднозначных фигур в РПЦ, прямо пишет, что чиновник и сотрудник правоохранительных органов найдет в книге «необходимый инструментарий для решения возможных проблем». Это недвусмысленное указание на прикладной, «боевой» характер работы.

Сам Дворкин в предисловии к тому же изданию признается: «Безусловно, написать о всех сектах, действующих сегодня в России, невозможно. Невозможно даже упомянуть их все... Мы стремились представить как можно более широкий спектр различных тоталитарных сект, чтобы у читателя сложилось представление о самых разных их типах». Это признание обнажает методологию: не исчерпывающее научное исследование,

а создание набора удобных типажей и ярлыков, которые можно применить к любой не-угодной группе.

Таким образом, на руинах советского атеизма Александр Дворкин не стал реставратором дореволюционного православия. Он стал конструктором новой, постсоветской идеологии «духовной безопасности», где роль «врага народа» отводилась «сектанту», а роль защитника — симбиозу Церкви и государства, интеллектуальным посредником для которого вызвался стать он сам.

Идеологический арсенал: «Тоталитарные секты» и язык вражды

Сила Дворкина заключалась не в оригинальности его идей, а в гениальной адаптации и популяризации уже существующих концепций. Его главным оружием стал термин «тоталитарная секта». Это словосочетание, заимствованное у западных антикультистов, оказалось идеальным пропагандистским инструментом для российских реалий. Оно било сразу в несколько целей:

Псевдонаучность: термин звучал солидно, наукообразно, отсылая к политологической теории тоталитаризма (Ханна Арендт, Карл Фридрих). Это позволяло маскировать религиозную полемику под объективный социальный анализ.

Дегуманизация: слово «секта» в русском языке имеет стойкую негативную коннотацию, ассоциируясь с чем-то замкнутым, фанатичным и опасным. Приставка «тоталитарная» усугубляла этот эффект, вызывая прямые ассоциации с нацистскими и коммунистическими режимами, создавая образ внутреннего врага, использующего те же методы контроля сознания.

Криминализация: определение группы как «тоталитарной» и «деструктивной» выводило ее из поля религиозной дискуссии в поле уголовного права. Если группа не просто «заблуждается», а «разрушает» личность, семью и общество, то государство обязано вмешаться и применить силу.

В своей книге «Сектоведение» Дворкин приводит 17 признаков тоталитарной секты, составленных правительством ФРГ для школьных листовок. Этот список, включающий такие размытые критерии, как «Мировоззрение группы ошеломляюще просто и объясняет любую проблему» или «Группа отграничивает себя от остального мира», мог быть применен практически к любой сплоченной социальной или религиозной группе, от монастыря до политической партии. В руках Дворкина эти признаки стали не диагностическим инструментом, а набором лекал для выкраивания образа врага.

В отношении Свидетелей Иеговы этот идеологический арсенал был применен с особой тщательностью. Анализируя их деятельность, Дворкин систематически лишал ее какого-либо религиозного содержания, сводя все к циничным коммерческим и властным мотивам. Вот ключевые тезисы его обвинений, многократно повторенные в книге, лекциях и интервью:

Коммерческий культ: Дворкин прямо называет организацию «коммерческим культом или торгово-финансовой пирамидой с идеологическо-псевдорелигиозной надстройкой». Он утверждает, что главная цель — не проповедь, а продажа литературы: «Сами сочиняем, сами иллюстрируем, сами публикуем, сами развозим по всему миру неконкурентоспособную продукцию, которую без мощной идеологической поддержки продать невозможно... организация получает сотни миллионов долларов чистого дохода». Этот тезис был крайне важен, так как он превращал религиозную организацию в глазах чиновника или силовика в мошенническую бизнес-схему.

Тотальный контроль и шпионаж: методы проповеди Свидетелей Иеговы Дворкин представляет как систему тотальной слежки. Ведение записей о посещенных квартирах и реакции жильцов («Записи служения по домам») он трактует как сбор разведанных: «Благодаря такой кропотливой работе ведется тотальный учет всех жителей районов, в которых действует секта. При этом собирается также информация о жильцах, времени, когда их можно найти дома, их здоровье, интересах».

Психологическое манипулирование и обман: Дворкин активно продвигает идею о том, что Свидетели Иеговы используют особые методы обмана, которые они называют «стратегией теократической войны». Он цитирует литературу ОСБ: «...в целях защиты интересов дела Бога надлежит скрывать правду от Божьих врагов». Этот тезис создавал образ коварного и не заслуживающего доверия противника, с которым невозможно вести честный диалог.

Антигосударственная и антисоциальная сущность: Дворкин подчеркивает, что Свидетели Иеговы являются «противниками» всех, кто не разделяет их учение. Он клеймит их за отказ от службы в армии, от переливания крови, за политический нейтралитет, представляя это не как проявление веры, а как атаку на основы общества и государства.

Вершиной этой риторики стали публичные выступления, где Дворкин окончательно переходил от псевдоанализа к открытому языку вражды. В эфире федеральных телеканалов он делал заявления, которые были прямым подстрекательством к дискриминации.

«Перед всей страной Дворкин в своем интервью НТВ провел параллель между Свидетелями Иеговы и наркоторговцами и назвал их «рабами»», — говорится в исследовании «Свобода религии и убеждений».

В другом выступлении он прямо призывал к государственным репрессиям:

«Дворкин заявил на всю Россию, что с сектами надо бороться на государственном уровне и что литература сект должна быть признана экстремистской».

Эта риторика не была просто выражением личного мнения. Это была целенаправленная кампания по созданию образа врага. Слова «тоталитарная секта», «деструктивный культ», «зомби», «социальные паразиты» — это не просто оскорбления. Это лингвистическое оружие, предназначенное для того, чтобы лишить группу людей человеческого облика, вывести их за рамки морали и права, и тем самым подготовить общественное мнение к тому, что этих людей можно и нужно преследовать.

Организационное оружие: РАЦИРС и международное прикрытие FECRIS

Осознав, что в одиночку вести «крестовый поход» невозможно, Дворкин приступил к созданию организационной структуры. Ею стала «Российская ассоциация центров изучения религий и сект» (РАЦИРС). Формально РАЦИРС — это общественная организация, объединяющая региональные «антисектантские» центры. Фактически же она превратилась в разветвленную сеть, действующую как «зонтичная» структура для координации антикультистской деятельности по всей стране.

Особенностью РАЦИРС является ее сетевой и децентрализованный характер. Большинство ее региональных отделений действовали на базе местных епархий Русской православной церкви, получая от нее ресурсную и институциональную поддержку. Руководителями этих центров становились священники, богословы или просто светские активисты, разделявшие взгляды Дворкина. Эта модель позволяла РАЦИРС одновременно быть и структурой, аффилированной с РПЦ, и выступать в качестве «независимой» общественной организации, представляющей «обеспокоенных граждан».

Ключевыми фигурами в РАЦИРС, помимо самого Дворкина, стали такие одиозные священнослужители, как протоиерей Александр Новопашин из Новосибирска и покойный протоиерей Димитрий Смирнов, известный своими ультраконсервативными взглядами. Их участие обеспечивало РАЦИРС поддержку влиятельной части церковного истеблишмента.

Однако для полной легитимации своей деятельности Дворкину не хватало международного признания. Он нашел его в лице Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS). Эта организация, объединяющая антикультистские группы из разных стран Европы, стала для Дворкина и РАЦИРС бесценным активом. Заняв пост вице-президента FECRIS (который он занимал до 2021 года), Дворкин получил возможность:

Представлять свою деятельность как часть общеевропейской борьбы. Это позволяло ему парировать обвинения в том, что его кампания — это сугубо российское явление, инспирированное РПЦ для борьбы с конкурентами. Он мог утверждать, что Россия просто следует европейским трендам в борьбе с «опасными культами».

Использовать авторитет FECRIS для лоббирования внутри России. Ссылки на «международный опыт» и «европейских коллег» звучали весомо в глазах российских чиновников и журналистов.

Защищаться от критики на международной арене. Когда правозащитные организации критиковали Россию за нарушение свободы совести, Дворкин и его сторонники могли апеллировать к тому, что их деятельность поддерживается авторитетной европейской федерацией.

Особую пикантность ситуации придает тот факт, что FECRIS, как показывают исследования, более чем на 90% финансируется правительством Франции. Таким образом, кампания по подавлению религиозных меньшинств в России велась под прикрытием организации, существующей на деньги светского европейского государства. Это создавало парадоксальную ситуацию, когда российские власти, на словах борясь с «иностранным влиянием», на деле использовали для своих целей структуру, тесно связанную с иностранным правительством.

Деятельность РАЦИРС и ее связь с FECRIS наглядно демонстрируют, что современный антикультизм — это не разрозненные группы обеспокоенных граждан. Это хорошо организованное, транснациональное движение, имеющее свои идеологические центры, организационные структуры, источники финансирования и политическое лобби. В России это движение, возглавляемое Александром Дворкиным, стало эффективным организационным оружием, которое было использовано для подготовки и осуществления полномасштабных репрессий.

Симбиоз власти: церковь, государство и «сектовед»

Наибольшего успеха Александр Дворкин достиг не как богослов или публицист, а как политический технолог, сумевший выстроить уникальный и чрезвычайно эффективный альянс между тремя мощными силами: Русской православной церковью, государственными силовыми структурами и органами юстиции. Именно этот тройственный союз превратил маргинальную, по сути, идеологию «сектоведения» в руководство к действию для государственной машины.

Столп первый: Русская православная церковь

Для РПЦ Дворкин и РАЦИРС стали своего рода «идеологическим спецназом». Церковь, озабоченная сохранением своей паствы и борьбой с «прозелитизмом», получила в его лице светского спикера, который мог озвучивать ее опасения на языке, понятном чиновникам и силовикам. Он говорил не о «ереси», а о «деструкции», не о «спасении души», а о «национальной безопасности». Взамен РПЦ предоставила Дворкину мощнейшую поддержку:

Институциональную: епархии РПЦ стали базой для региональных центров РАЦИРС.

Информационную: церковные СМИ активно тиражировали материалы и выступления Дворкина.

Лоббистскую: связи церковной иерархии с властью использовались для продвижения антикультистской повестки.

Столп второй: Силовые ведомства (ФСБ, МВД, Следственный комитет)

Сотрудничество с силовиками стало ключевым фактором, превратившим Дворкина из простого критика в фигуру, обладающую реальной властью. Синергия здесь была очевидна. Дворкин предлагал силовикам готовую и простую концепцию для «работы по линии противодействия экстремизму». В его картине мира Свидетели Иеговы и другие НРД — это не просто группы верующих, а потенциальные угрозы: шпионские сети, управляемые из-за рубежа, или экстремистские ячейки, подрывающие конституционный строй.

Эта концепция была с энтузиазмом воспринята правоохранительной системой, поскольку она позволяла легко выполнять планы по «борьбе с экстремизмом», преследуя мирные и не оказывающие сопротивления группы. Сотрудничество приняло конкретные формы. Дворкин и другие деятели РАЦИРС стали регулярными лекторами для сотрудников ФСБ, МВД, прокуратуры и других ведомств. Они буквально обучали

силовиков своей терминологии, своим методам распознавания «сект», поставляя им готовый идеологический каркас для оперативной работы и следственных действий. Фотографии Дворкина, Новопашина и Смирнова на трибунах перед аудиториями людей в форме, широко распространенные в сети, являются наглядным доказательством этого симбиоза.

«Сектоведы» стали для силовиков «экспертами», к которым можно было обратиться за консультацией по тому или иному религиозному движению, получив вместо объективной информации готовый обвинительный вердикт.

Столп третий: Министерство юстиции

Если силовые структуры обеспечивали принуждение, то Министерство юстиции предоставило Дворкину инструмент для юридической легитимации репрессий. Переломным моментом стал 2009 год, когда Александр Дворкин возглавил Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ.

Эта должность дала ему колоссальную административную власть. Именно этот совет, состоящий в значительной степени из его единомышленников, стал конвейером по производству «отрицательных» заключений, которые ложились в основу судебных решений. Процесс был отлажен до автоматизма. Прокуратура в каком-либо регионе изымала литературу Свидетелей Иеговы. Суд назначал «религиоведческую» или «психолого-лингвистическую» экспертизу. Экспертиза поручалась либо непосредственно членам совета при Минюсте, либо аффилированным с РАЦИРС региональным «экспертам». «Эксперты», используя методологию Дворкина, находили в текстах, призывающих к мирной проповеди, «признаки возбуждения религиозной розни» (например, в утверждении об истинности своей веры) и «пропаганду исключительности», что по российскому закону «О противодействии экстремистской деятельности» приравнивалось к экстремизму. На основании этих псевдонаучных экспертиз суды один за другим признавали десятки публикаций Свидетелей Иеговы «экстремистскими материалами».

Этот поток судебных решений и создал юридическую базу для главного удара. В 2017 году Министерство юстиции, опираясь на массив этих решений, подало в Верховный Суд иск о ликвидации «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России» и всех его 395 региональных отделений как «экстремистской организации».

В период (с 2008 по 2020 год) пост министра юстиции занимал Александр Коновалов, который, по некоторым данным, был студентом Дворкина в Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Независимо от степени его личного участия, факт остается

фактом: именно под его руководством ведомство, чей Экспертный совет возглавлял Дворкин, инициировало и довело до конца процесс полного запрета организации.

Таким образом, замкнулся порочный круг. Церковь определила цель. Дворкин и РАЦИРС создали идеологию и обеспечили «экспертное» сопровождение. Министерство юстиции оформило это юридически. А силовые ведомства привели приговор в исполнение. Это была идеально отлаженная машина, где каждый элемент усиливал другой, и в центре этой машины, в роли главного инженера и идеолога, находился Александр Дворкин.

От слов к насилию: практические последствия дегуманизации

Пропаганда ненависти никогда не остается просто словами. Созданный Дворкиным и его последователями образ «сектанта» как врага, паразита и преступника неизбежно привел к реальному насилию — как со стороны отдельных граждан, так и со стороны государства. Исследование «Религиозный экстремизм Александра Дворкина», опубликованное в 2010 году, наглядно демонстрирует эту смертоносную связь. В нем задокументированы многочисленные случаи, когда вспышки насилия против Свидетелей Иеговы происходили в российских регионах сразу после визитов и публичных выступлений Дворкина.

Деятельность А. Дворкина следовала четко выстроенному шаблону: его визиты в регионы сопровождались выступлениями в средствах массовой информации, на публичных мероприятиях или в диалоге с представителями органов власти, где он последовательно обвинял так называемые «тоталитарные секты», в первую очередь Свидетелей Иеговы, в антиобщественной деятельности. Эти заявления, как свидетельствуют документально подтвержденные факты, зачастую становились катализатором репрессивных мер со стороны правоохранительных органов. Вскоре после таких выступлений в регионах начинались массовые обыски в домах верующих, сопровождались задержаниями и возбуждением уголовных дел против мирных граждан, исповедующих данную религию. Подобная риторика не только создавала атмосферу нетерпимости, но и способствовала разжиганию ненависти, формируя у части населения ложное чувство морального превосходства над религиозными меньшинствами. Эти действия, по своей сути, находят тревожные параллели с историческими примерами дискриминации, включая преследования религиозных и этнических групп в авторитарных режимах.

Эти инциденты — прямое следствие кампании по дегуманизации. Когда авторитетная фигура, представленная СМИ как «профессор» и «ведущий специалист», публично называет группу людей «рабами», «наркоторговцами» или «социальными паразитами», это служит для маргинальных и агрессивных слоев общества сигналом, разрешением на насилие. Если государство в лице «экспертов» и СМИ объявляет кого-то вне закона, то и простому гражданину «все позволено».

Апогеем этой логики стали события, последовавшие за решением Верховного Суда в 2017 году. Государство само взяло на себя роль главного насильника. Кампания по дегуманизации, которую годами вел Дворкин, дала свои плоды: теперь уже не отдельные маргиналы, а сотрудники Следственного комитета и ФСБ применяли к верующим насилие, будучи, по-видимому, искренне убежденными, что перед ними не законопослушные граждане, а опасные «экстремисты».

Показательно хвастовство одного из палачей, которое он бросил жертвам: «Мы и не таких террористов ломали». Эта фраза — прямое эхо пропаганды Дворкина и государственных СМИ. В сознании этого силовика мирный верующий уже превратился в «террориста», а значит, к нему применимы любые методы.

Слова ненависти, произнесенные с высоких трибун и в телестудиях, превратились в крики боли в застенках Следственного комитета. Идеология, разработанная «сектоведом», обернулась реальными шрамами от электрошокера на телах людей.

Анализ роли Александра Дворкина и РАЦИРС в преследовании Свидетелей Иеговы в России не оставляет сомнений: их деятельность была не просто критикой, а целенаправленным конструированием репрессивной системы. Они выступили в роли архитекторов и инженеров гонений, предоставив государству полный набор инструментов, необходимых для уничтожения неугодной религиозной организации.

Они создали идеологию, заменив традиционную богословскую полемику на псевдонаучную концепцию «тоталитарных сект» и «духовной безопасности». Это позволило перевести религиозный вопрос в плоскость национальной угрозы.

Они создали язык вражды, который лишил Свидетелей Иеговы человеческого облика в глазах общества и правоохранительной системы, превратив их в «экстремистов», «шпионов» и «социальных паразитов».

Они создали организационную структуру в виде сети РАЦИРС, которая координировала антикультистскую деятельность по всей стране и обеспечивала ей международное прикрытие через FECRIS.

Наконец, они вступили в фатальный симбиоз с властью, став незаменимым связующим звеном между интересами Русской православной церкви и задачами силовых структур и Министерства юстиции. Возглавив Экспертный совет при Минюсте, Дворкин получил возможность напрямую влиять на юридический процесс, превратив «экспертизу» из инструмента познания в инструмент вынесения приговора.

Историческая параллель, которую проводят некоторые исследователи с деятельностью Апологетического центра Вальтера Кюннета в нацистской Германии, в этом контексте выглядит не преувеличением, а точной структурной аналогией. Как тогда аффилированные с режимом «теологи» снабжали Гестапо идеологическим оправданием для преследования «бибельфоршеров», так и в современной России «сектоведы» снабдили ФСБ и Минюст псевдонаучным прикрытием для гонений на Свидетелей Иеговы. В обоих случаях «эксперты» выполнили одну и ту же зловещую функцию: они сделали репрессии респектабельными, облекли ненависть в форму закона и дали палачам уверенность в собственной правоте.

История Александра Дворкина и РАЦИРС — это предостережение о том, как легко в современном обществе свобода совести может быть принесена в жертву на алтарь «безопасности». Это наглядный урок о том, как деятельность одного человека и небольшой группы его последователей, усиленная государственной мощью и медийной поддержкой, способна разрушить жизни тысяч людей и отбросить страну в эпоху религиозных войн, замаскированных под борьбу с экстремизмом. Построенное ими здание репрессий продолжает стоять, и его тень накрывает не только Свидетелей Иеговы, но и все будущее гражданских свобод в России.

Глава 4. «Экспертиза» как приговор: от «расового диагноза» до «деструктологии»

«На общественном уровне тоталитарные секты опасны тем, что, в отличие от традиционных религий, которые обогащают общество и культуру, они высасывают из общества человеческие и финансовые ресурсы». — Александр Дворкин.

Этот афоризм, брошенный главным «сектоведом» России, с предельной откровенностью обнажает суть явления, которое стало интеллектуальным фундаментом для современных религиозных гонений. В нем заключена вся философия репрессивной машины, стремящейся придать своим действиям видимость рациональности и законности.

Прежде чем надеть наручники на верующего, государство должно надеть белый халат «эксперта» на своего идеолога. Прежде чем объявить организацию вне закона, ее необходимо объявить «деструктивной» или «экстремистской». Прежде чем вынести судебный приговор, нужно составить «экспертное» заключение, которое, по сути, уже является этим приговором.

В анатомии государственного террора «экспертиза» мутирует из инструмента познания в инструмент легитимации насилия. Она — необходимое звено, переводящее политический заказ или идеологическую ненависть на язык, приемлемый для суда, правоохранительных органов и общества. Ее задача — не исследовать, а обвинять; не анализировать, а клеймить. История преследований Свидетелей Иеговы, разделенная почти столетием, но объединенная общей логикой, предлагает два хрестоматийных примера этой зловещей трансформации: теологически-расовая «экспертиза» в нацистской Германии и псевдонаучная «деструктология» в современной России.

Данная глава — это вскрытие механизма, посредством которого слова, облеченные в наукообразную форму, становятся юридическим основанием для лишения людей свободы, имущества и самой возможности исповедовать свою веру. Мы проследим, как идеологически ангажированное заключение становится оружием, которое в руках государства оказывается не менее разрушительным, чем полицейская дубинка или тюремная решетка.

Национал-социалистический режим, несмотря на всю свою брутальность, с немецкой педантичностью стремился к бюрократической легитимации своего террора. Простого приказа было недостаточно; требовалось идеологическое обоснование, которое представило бы преследование не как акт произвола, а как необходимую меру по защите «здоровья нации» — Volksgesundheit. Для расправы над евреями был создан чудовищный аппарат «расовой гигиены». Для подавления политических оппонентов использовалась риторика борьбы с «предателями Рейха». Но как оправдать гонения на небольшую, аполитичную группу христиан, чья единственная «вина» заключалась в лояльности Богу, а не фюреру?

Здесь на сцену вышли «эксперты» иного рода — теологи, готовые поставить свои знания на службу Гестапо. Их задачей было доказать, что Свидетели Иеговы (тогда — «Исследователи Библии») — это не просто инакомыслящие христиане, а чужеродный, враждебный и разрушительный элемент, подлежащий искоренению.

Наиболее ярким примером такого симбиоза стала деятельность лютеранского теолога Вальтера Кюннета и его Апологетического центра (Apologetische Centrale). Этот

центр, формально являвшийся церковной структурой, фактически превратился в интеллектуальный филиал государственной тайной полиции. Кюннет и его коллеги снабжали Гестапо «экспертными» меморандумами и заключениями, которые были построены на трех фундаментальных тезисах, призванных полностью делегитимизировать группу:

Теологическая дисквалификация: «Исследователи Библии» объявлялись нехристианской группой. Их учение характеризовалось как «синкретическая еврейско-американская ересь». Этот прием был критически важен: он выводил группу из общего христианского контекста и лишал ее потенциальной солидарности со стороны других церквей. Если они «не настоящие христиане», то их преследование не является гонением на христианство как таковое.

Политическое обвинение: их пацифизм и отказ от службы в армии трактовались не как проявление веры, а как злонамеренный «подрыв военной мощи нации» (Wehrkraftzersetzung). Их международные связи с центром в Бруклине представлялись как доказательство того, что они являются «авангардом мирового еврейства» и «агентами американского капитала», то есть шпионской сетью, действующей в интересах врагов Рейха.

Социальная опасность: пропаганда представляла Свидетелей Иеговы как «фанатиков», разрушающих семьи и устои общества. Их отказ от участия в нацистских ритуалах и организациях преподносился как вызов единству Volksgemeinschaft (народного сообщества).

Эта «экспертиза» выполняла несколько жизненно важных для режима функций. Во-первых, она создавала иллюзию, что государство борется не со свободой совести, а с конкретной, задокументированной угрозой. Во-вторых, она поставляла карательным органам готовый язык обвинений, который ложился в основу рапортов, ордеров на арест и обоснований для отправки в концентрационные лагеря по категории Schutzhaft (защитный арест). В-третьих, она служила инструментом разведки, собирая и систематизируя информацию о структуре, лидерах и деятельности организации для более эффективного подавления.

Таким образом, теологический «диагноз», поставленный апологетами нацизма, превращался в прямой приговор, приводимый в исполнение палачами из Гестапо. Слово теолога становилось последним словом перед шагом в газовую камеру или на эшафот.

Российская реинкарнация: «деструктология» как конвейер запретов

В постсоветской России, где идеология марксизма-ленинизма рухнула, а Конституция провозгласила свободу совести и светский характер государства, для подавления религиозных меньшинств потребовался новый, более изощренный инструмент. Прямые гонения по политическим или атеистическим мотивам были невозможны. Нужна была новая «наука», которая позволила бы криминализировать неугодные религии под видом защиты общества от некоего «вредоносного влияния». Этой «наукой» стала «деструктология».

Ее главным архитектором и популяризатором стал Александр Дворкин. Вернувшись в Россию после многих лет эмиграции, он привез с собой не только диплом теолога, но и концептуальный аппарат западного антикультового движения, который он мастерски адаптировал к российским реалиям и потребностям своего главного заказчика — Русской православной церкви, обеспокоенной появлением «конкурентов» на своей «канонической территории».

Его фундаментальный труд «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования» стал библией для нового поколения борцов с «сектами». Само название — «сектоведение», а не академическое «религиоведение» — указывало на прикладной, «боевой» характер дисциплины. Ее цель была не в объективном изучении, а в разоблачении и нейтрализации.

«Мы стремились представить как можно более широкий спектр различных тоталитарных сект, чтобы у читателя сложилось представление о самых разных их типах», — пишет Дворкин, по сути, признавая, что его работа — это не научное исследование, а создание набора удобных ярлыков и стереотипов.

Ключевым инструментом в его арсенале стал псевдонаучный термин «тоталитарная секта». Этот конструкт, не имеющий четкого определения в академической науке, оказался идеальным пропагандистским оружием. Он позволял, с одной стороны, апеллировать к авторитету политологической теории тоталитаризма, а с другой — вызывать у аудитории прямые ассоциации с самыми мрачными режимами XX века, тем самым дегуманизируя и криминализируя любую неугодную группу.

В своих работах и многочисленных выступлениях Дворкин и его последователи из созданной им Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) создали образ Свидетелей Иеговы, поразительно напоминающий по своей структуре

нацистскую пропаганду, но изложенный в терминах «психологии» и «социальной безопасности»:

Дисквалификация религиозного статуса. Вместо «ереси» — диагноз «коммерческий культ». Дворкин утверждает: «В этом смысле „Свидетелей Иеговы“ вполне можно рассматривать как коммерческий культ или торгово-финансовую пирамиду с идеологическо-псевдорелигиозной надстройкой, существующую ради распространения письменно-печатной продукции». Цель — доказать, что это не религия, а мошеннический бизнес-проект, а значит, на него не распространяется конституционная защита свободы совести.

Обвинение в тотальном контроле и шпионаже. Вместо «агентов Запада» — «сборщики информации». Проповедническую деятельность Дворкин представляет как систему тотальной слежки: «Благодаря такой кропотливой работе ведется тотальный учет всех жителей районов, в которых действует секта. При этом собирается также информация о жильцах, времени, когда их можно найти дома, их здоровье, интересах».

Обвинение в психологическом насилии. Вместо «подрыва военной мощи» — «разрушение личности». «Эксперты»-деструктологи утверждают, что организация использует техники «контроля сознания» («зомбирование»), которые разрушают личность адепта, разрывают семейные связи и наносят вред психическому здоровью. Это обвинение стало центральным, поскольку оно позволяло апеллировать к закону «О противодействии экстремистской деятельности».

Этот набор обвинений лег в основу отлаженного конвейера по вынесению судебных приговоров, где «экспертиза» стала ключевым элементом. Схема работала безотказно:

Инициация. Региональная прокуратура, часто по наводке местного отделения РАЦИРС, изымает у верующих их литературу.

Назначение «экспертизы». Следователь или суд поручает проведение «психолого-лингвистической» или «комплексной деструктологической» экспертизы. Исполнителями практически всегда становятся «специалисты», аффилированные с Дворкиным и РАЦИРС или обученные по его методикам.

Создание «доказательств». «Эксперты», применяя методологию «деструктологии», находят в текстах, призывающих к миру и изучению Библии, признаки «экстремизма». Любое утверждение об истинности своей веры трактуется как «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его

религиозной принадлежности». Критика догматов других религий объявляется «возбуждением религиозной розни».

Этот процесс, повторенный десятки раз в разных регионах России, создал массив судебных решений, который позволил Министерству юстиции в 2017 году обратиться в Верховный Суд с иском о полной ликвидации всех 395 юридических лиц Свидетелей Иеговы в России как «экстремистской организации». «Экспертиза» Дворкина и его последователей стала тем юридическим фундаментом, на котором было возведено здание общенациональных репрессий.

Сравнительный анализ: Общая матрица псевдонаучной расправы

Сравнение преследований Свидетелей Иеговы в нацистской Германии (1933 – 1945 годы) и современной России (с 2009 года по настоящее время) раскрывает поразительные параллели в механизмах идеологического и юридического обоснования. По критерию главного «эксперта» или института в Германии эту роль играл теолог Вальтер Кюннет через Апологетический центр, в то время как в России доминирует «сектовед» Александр Дворкин в рамках РАЦИРС. Ключевой «диагноз» в нацистском контексте сводился к обвинениям в «еврейско-американской ереси», политической нелояльности и подрыве военной мощи, тогда как в современной России речь идет о «тоталитарной секте», «деструктивном культе», экстремизме и возбуждении розни. Методология в Германии опиралась на теологическую и расовую демагогию с элементами политического доноса, в России же используется псевдонаучная «деструктология», манипулятивная лингвистика и психологизация обвинений. Цель такой «экспертизы» в обоих случаях схожа: в Германии она обосновывала преследование как защиту «расы» и «государства», а в России — как защиту «общественной безопасности» и «традиционных ценностей». Основными заказчиками и потребителями этих материалов в Германии выступали гестапо и нацистская партия, в России — ФСБ, Центр «Э», Следственный комитет, прокуратура, суды и РПЦ. Наконец, юридические последствия в Германии становились основанием для внесудебных арестов (Schutzhaft), отправки в концлагеря и смертных приговоров, в то время как в России они приводят к признанию материалов «экстремистскими», запрету организаций и возбуждению уголовных дел по статье 282.2 УК РФ.

Несмотря на различие в терминологии — «расовая гигиена» против «духовной безопасности», «агенты еврейства» против «агентов Запада», «подрыв Рейха» против

«экстремизма» — структурная функция «экспертизы» остается неизменной. Это фабрика по производству вины.

Апофеозом абсурда и самым убедительным доказательством псевдонаучности «деструктологии» стало заключение, выданное высшим экспертным учреждением самого российского государства. В июне 2023 года, в рамках другого громкого дела, Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ официально заявил, что «деструктология не является наукой, не имеет научного обоснования», а «комплексная деструктологическая экспертиза как род или вид судебных экспертиз не существует».

Этот вердикт, вынесенный головной структурой Минюста, фактически дезавуировал все те «экспертизы», на основании которых тот же Минюст инициировал запрет Свидетелей Иеговы. Он обнажил циничную правду: научная состоятельность «экспертизы» никогда не имела значения. Важна была лишь ее услужливость, ее готовность поставить нужный диагноз, который затем ляжет в основу обвинительного приговора.

История «экспертизы» как инструмента репрессий против Свидетелей Иеговы в нацистской Германии и современной России — это грозное предостережение. Оно показывает, как легко научная или теологическая риторика может быть превращена в смертоносное оружие. В обоих случаях «эксперты» выполнили одну и ту же зловещую функцию: они сделали репрессии респектабельными, облекли ненависть в форму закона и дали палачам уверенность в собственной правоте. Они взяли на себя интеллектуальную ответственность за насилие.

Процесс, запущенный псевдонаучными заключениями, не останавливается в зале суда. Он продолжается в камерах СИЗО, в колониях, в сломанных судьбах тысяч людей. Слова «эксперта», созданные за рабочим столом, находят отклик в звоне тюремных замков и страданиях жертв от пыток.

Фраза Дворкина, вынесенная в эпиграф этой главы, оказалась пророческой. «Экспертиза», основанная на «деструктологии», действительно стала не диагнозом, а приговором. Приговором не только для тысяч верующих, но и для принципов свободы совести, верховенства права и самой идеи справедливости в современной России.

Глава 5. Юридическая машина: сравнительный анализ репрессивного законодательства

«Это решение не останется просто на бумаге, это решение обернется против мирных, законопослушных граждан России». — Виктор Женков, адвокат, о решении Верховного суда РФ о запрете Свидетелей Иеговы, 20 апреля 2017 г.

Закон — это позвоночник правового государства, каркас, который должен защищать гражданина от произвола и гарантировать его неотъемлемые свободы. Но история XX и XXI веков многократно демонстрировала, что в руках авторитарной или тоталитарной власти закон может быть извращен до неузнаваемости. Из щита он превращается в меч, из гаранта порядка — в инструмент террора. Юридическая система, задуманная для отправления правосудия, мутирует в юридическую машину, методично перемалывающую тех, кого государство назначило своими врагами.

Эта глава — вскрытие двух таких машин. Мы проведем детальный сравнительный анализ правовых механизмов, которые были созданы и использованы для подавления Свидетелей Иеговы сначала в нацистской Германии, а затем, спустя десятилетия, в современной России. На первый взгляд, эти механизмы кардинально различны. Нацистский режим, особенно после первых лет у власти, действовал с откровенной жестокостью, отменяя базовые права через чрезвычайные декреты. Российская система, напротив, стремится сохранить видимость сложной и легитимной правовой процедуры, используя лабиринты законодательства, судебные инстанции и «экспертные» заключения.

Однако при более глубоком исследовании становится очевидно, что разница заключается не в цели, а в методе. Конечная задача обеих систем идентична: создать легальное основание для полного уничтожения организованной религиозной группы, чья система ценностей и лояльности находится вне государственного контроля. Если нацистская машина представляла собой грубую гильотину, открыто отрубавшую головы неудобным, то российская — это сложный механизм удушения, который медленно, но неумолимо сжимает кольцо вокруг своей жертвы, сохраняя при этом иллюзию законности происходящего.

Расследование будет сосредоточено на ключевых законодательных актах, судебной практике и правоприменительных технологиях, которые позволили превратить веру в состав преступления. Проанализируем, как расплывчатые формулировки, идеологически мотивированные интерпретации и ангажированные экспертизы становятся

фундаментом для массовых репрессий. Это анатомия того, как правовая система может быть извращена до такой степени, что совместное чтение Библии квалифицируется как тяжкое преступление против основ конституционного строя.

Юридическая машина Третьего рейха: архитектура беззакония

Нацистский режим, придя к власти, немедленно приступил к демонтажу Веймарской республики и ее правовых институтов. Юридическая система не была отменена полностью, но была подчинена единой цели — установлению тотального контроля и уничтожению любых форм оппозиции. В отношении Свидетелей Иеговы эта система действовала прямолинейно и безжалостно, опираясь на три фундаментальных столпа: чрезвычайное законодательство, прямые запретительные указы и драконовское военное правосудие.

Краеугольным камнем всей юридической машины нацистского террора стал Декрет Рейхспрезидента «О защите народа и государства» от 28 февраля 1933 года, изданный на следующий день после поджога Рейхстага. Этот короткий документ стал юридическим концом Веймарской демократии. Он отменял семь ключевых статей конституции, гарантировавших базовые гражданские свободы: свободу личности, неприкосновенность жилища, тайну переписки, свободу слова, свободу собраний, свободу союзов и свободу собственности.

Но главным и самым разрушительным инструментом, который этот декрет дал в руки режиму, стала концепция «защитного ареста» (Schutzhaft). Этот механизм позволял Гестапо (тайной государственной полиции) и другим силовым структурам арестовывать и бессрочно содержать любое лицо в тюрьме или концентрационном лагере без предъявления официальных обвинений, без судебного решения и без права на обжалование. Формально это подавалось как превентивная мера для «защиты государства», но на деле стало инструментом внесудебной расправы.

Именно на основании Schutzhaft подавляющее большинство Свидетелей Иеговы оказались в концентрационных лагерях. Их не нужно было судить за конкретное преступление. Достаточно было доклада местного отделения Гестапо о том, что данный «Исследователь Библии» продолжает свою «подрывную» деятельность (например, отказывается от нацистского приветствия или распространяет литературу), чтобы он был взят под «защитный арест» и отправлен в Дахау, Заксенхаузен или Бухенвальд. Таким образом, Декрет о поджоге Рейхстага создал параллельную правовую реальность, в

которой целые категории граждан были лишены какой-либо юридической защиты и отданы на полный произвол карательных органов. Закон перестал быть защитой, он стал обоснованием для заключения в лагерь.

Специальное законодательство: указы о прямом запрете

Параллельно с использованием чрезвычайных полномочий режим издавал специальные указы, направленные непосредственно против организации Свидетелей Иеговы. Этот процесс шел поэтапно, от регионального уровня к общенациональному:

Апрель-июнь 1933 г.: запреты на деятельность организации вводятся в отдельных землях Германии, таких как Бавария, Саксония и Гессен. 24 июня 1934 года издается приказ о запрете деятельности на территории Пруссии — крупнейшей земли Германии.

1 апреля 1935 г.: издается общенациональный указ, полностью запрещающий деятельность «Международной ассоциации Исследователей Библии» на всей территории Рейха.

Анализ формулировок этих указов показывает, что они были основаны не на юридических доказательствах, а на идеологических клише, подготовленных пропагандистским аппаратом и ангажированными «экспертами», такими как теолог Вальтер Кюннет. В указах Свидетели Иеговы обвинялись в том, что они «под видом научного исследования Библии проводят кампанию злостной агитации против государства и церкви», что их учение «подрывает основы культурной и нравственной жизни нашего народа» и что они являются «авангардом мирового еврейства» и «агентами американского капитала».

Эти указы служили административной базой для конкретных репрессивных действий: конфискации имущества, закрытия типографий и залов для встреч, а также формальным основанием для арестов тех, кто продолжал деятельность запрещенной организации.

Военное правосудие как гильотина: Верккрафтцерзетцунг (разложение военной силы)

С началом Второй мировой войны репрессии вышли на новый уровень жестокости. Параграф 5 Военно-уголовного кодекса Германии получил широкое применение, закрепляя понятие «разложения военной силы» (*Wehrkraftzersetzung*). Это была чрезвычайно расплывчатая формулировка, под которую можно было подвести практически любое действие или высказывание, которое могло быть истолковано как ослабляющее волю нации к войне.

Для Свидетелей Иеговы этот параграф стал смертным приговором. Их принципиальный отказ от несения военной службы на основании библейских заповедей был квалифицирован как тягчайшая форма *Wehrkraftzersetzung*. Военные трибуналы, не вдаваясь в теологические тонкости, выносили сотни смертных приговоров. Публичная казнь Августа Дикманна в концлагере Заксенхаузен 15 сентября 1939 года была актом устрашения, призванным сломить волю других верующих. За ним последовали сотни других, включая братьев Куссеровых и Хелену Готтхольд, обезглавленную в тюрьме Плётцензее.

Таким образом, юридическая машина Третьего рейха была прямолинейна и эффективна. Она использовала три уровня подавления:

Общий террор: лишение базовых прав через чрезвычайные декреты и внесудебные аресты.

Целевой запрет: административная ликвидация организации через специальные указы.

Физическое уничтожение: применение смертной казни через военное законодательство за отказ подчиниться милитаристским требованиям режима.

Нацистская модель была основана на отмене права для тех, кого режим считал своими врагами. Закон не извращался, он попросту переставал существовать для определенных групп людей.

Юридический лабиринт современной России: имитация правосудия

Современная российская репрессивная машина, направленная против Свидетелей Иеговы, действует значительно тоньше и изощреннее. Она не отменяет Конституцию и не вводит чрезвычайные декреты. Вместо этого она создает сложный юридический лабиринт, в котором понятия «законность» и «справедливость» теряют свой первоначальный смысл. Эта система основана на манипуляции расплывчатыми формулировками действующего законодательства, использовании ангажированных «экспертиз» и создании конвейера судебных решений, которые в совокупности приводят к криминализации мирной религиозной деятельности.

Главным оружием в руках российских властей стал Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», принятый в 2002 году. Изначально этот закон был направлен на борьбу с реальными угрозами — политическим и

националистическим экстремизмом, связанным с насилием. Однако серия поправок превратила его в универсальный инструмент для подавления любого инакомыслия.

Ключевым моментом стала поправка 2006 года, которая кардинально изменила определение одного из основных признаков экстремизма — «возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни». Из этого определения было исключено требование о связи с насилием или призывами к насилию. Это стало юридической бомбой замедленного действия.

С этого момента «экстремизмом» можно было объявить любое высказывание, которое «эксперт» и суд сочтут «утверждающим превосходство либо неполноценность человека по признаку его религиозной принадлежности». Этот, на первый взгляд, незначительный нюанс открыл ящик Пандоры. Любая религия, по своей природе, утверждает истинность собственного пути к спасению, что неизбежно подразумевает определенное «превосходство» над другими учениями. Для Свидетелей Иеговы, как и для многих других конфессий, утверждение об истинности их понимания Библии является центральным элементом веры.

Именно эта юридическая лазейка позволила запустить репрессивный конвейер. Теперь для обвинения в экстремизме не нужно было доказывать, что Свидетели Иеговы призывают кого-то избивать или свергать власть. Достаточно было найти в их литературе фразу о том, что их религия является «истинной», а другие — «ложными», чтобы ангажированный «лингвист» или «психолог» написал заключение о «возбуждении религиозной розни».

Конвейер запретов: от литературы к человеку

На основе измененного закона была выстроена многоступенчатая стратегия, направленная на полную ликвидацию организации. Этот процесс можно разбить на три этапа:

Этап 1: Запрет литературы (2009–2016 гг.). По всей стране региональные прокуратуры, часто действуя по наводке местных епархий РПЦ или отделений РАЦИРС Александра Дворкина, начали массово инициировать судебные процессы о признании литературы Свидетелей Иеговы «экстремистской». Схема была отработана до автоматизма. Прокуратура изымает журналы «Сторожевая башня», «Пробудитесь!» или другие книги. Суд назначает «психолого-лингвистическую экспертизу». Экспертиза поручается «специалистам», часто связанным с антикультистским движением, которые

находят в текстах искомые «признаки экстремизма». На основании этих «экспертиз» районные суды выносят решения о внесении публикаций в Федеральный список экстремистских материалов.

К 2017 году в этом списке оказалось более 90 наименований публикаций Свидетелей Иеговы. Апогеем абсурда стало решение Выборгского городского суда от 17 августа 2017 года о признании экстремистским «Священного Писания — Перевода нового мира» — используемой Свидетелями Иеговы версии Библии. Это решение было вынесено вопреки прямому запрету, содержащемуся в том же ФЗ-114, который гласит, что Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них «не могут быть признаны экстремистскими материалами». Даже ярый критик Свидетелей Иеговы Александр Дворкин назвал это решение «огромной ошибкой», дискредитирующей саму идею борьбы с экстремизмом. Однако машина уже работала по своей собственной, не всегда логичной, инерции.

Этап 2: Ликвидация организации (2017 г.). Накопленный массив судебных решений о запрете литературы стал юридическим тараном для следующего удара. 15 марта 2017 года Министерство юстиции РФ, ссылаясь на многочисленные факты распространения «экстремистских материалов» местными общинами, подало иск в Верховный Суд о ликвидации «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России» и всех его 395 региональных отделений.

20 апреля 2017 года Верховный Суд удовлетворил этот иск. Решение было основано не на анализе вероучения или деятельности верующих, по существу, а на формальном основании: раз местные организации систематически распространяли материалы, признанные судами экстремистскими, значит, вся централизованная структура является экстремистской организацией. Юридический капкан захлопнулся.

Этап 3: Криминализация верующих (2017 г. — настоящее время). После запрета организации главным инструментом массовых репрессий стала статья 282.2 Уголовного кодекса РФ — «Организация деятельности экстремистской организации». Теперь преступлением стала любая форма коллективного исповедания веры. То, что раньше было обычной религиозной жизнью, превратилось в состав тяжкого преступления, караемого лишением свободы на срок до 10 лет:

Совместное чтение Библии в частном доме или по видеосвязи — это «продолжение деятельности экстремистской организации».

Совместные молитвы и пение религиозных песен — это «участие в собрании экстремистской организации».

Сбор добровольных пожертвований — это «финансирование экстремистской деятельности» (ст. 282.3 УК РФ).

Таким образом, российская юридическая машина, в отличие от нацистской, не отменила право, а извратила его суть. Она использовала формально-юридическую процедуру для достижения репрессивной цели. Пройдя через все инстанции — от районного суда, запрещающего брошюру, до Верховного Суда, ликвидирующего общенациональную организацию, — государство получило «законное» право сажать в тюрьму людей просто за то, что они собираются вместе для поклонения своему Богу.

Сравнение юридических машин нацистской Германии и современной России позволяет выявить как фундаментальные различия в методах, так и пугающее сходство в конечных целях.

Основной правовой механизм в Германии заключался в отмене права через чрезвычайные указы, такие как Декрет о поджоге Рейхстага, которые отменяли конституционные гарантии и позволяли внесудебные аресты (Schutzhaft), в то время как в России происходит извращение права путем манипуляции расплывчатыми формулировками действующего законодательства, в частности Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Характер «преступления» в нацистском контексте был открыто политическим, включая нелояльность режиму, отказ от службы в армии и антигосударственную позицию, тогда как в современной России он носит псевдоюридический характер, квалифицируясь как «экстремизм» на основе утверждения об истинности своей веры, распространения «запрещенной» литературы и продолжения деятельности ликвидированной организации.

Роль судебной власти в Германии была в основном маргинальной, поскольку ключевую роль играл внесудебный террор гестапо, а суды, включая военные трибуналы, служили лишь одним из инструментов, в отличие от России, где суды всех уровней занимают центральное и легитимирующее место, придавая репрессиям видимость законности — от запрета литературы до вынесения приговоров. Роль «экспертизы» в Германии сводилась к идеологической поддержке, где теологические заключения обеспечивали пропагандистское обоснование, но не были центральным элементом правовой процедуры, в то время как в России псевдонаучные «лингвистические» и «деструктологические» экспертизы выступают ключевым элементом «доказательной» базы, становясь формальным основанием для признания материалов экстремистскими и последующих репрессий.

Наконец, конечная цель в обоих случаях схожа: в Германии это полное подчинение или физическое уничтожение группы, представляющей идеологическую угрозу, а в России — полная ликвидация организованной религиозной структуры и подавление любой коллективной религиозной деятельности группы.

Главный вывод этого сравнительного анализа заключается в демонстрации эволюции репрессивного права. Тоталитарный режим XX века действовал грубо и открыто, отбрасывая юридические формальности. Современный авторитарный режим действует тоньше. Он не отменяет закон, он его «взламывает», используя его же механизмы против его основной цели — защиты прав и свобод.

Российская юридическая машина создала замкнутый круг, в котором сама себя легитимирует. «Эксперты», ангажированные государством, поставляют судам «научные» основания для запретов. Суды, опираясь на эти заключения, штампуют решения. А силовые структуры, на основании этих судебных решений, возбуждают уголовные дела. В этом лабиринте, где причина и следствие поменялись местами, жертва репрессий оказывается абсолютно беззащитной. Ее судят не за то, что она сделала, а за то, кем она является. Ее вера, ее убеждения, ее идентичность становятся составом преступления, аккуратно упакованным в тома уголовного дела с соблюдением всех формальных процедур. Это и есть самая опасная форма правового нигилизма — правосудие, которое в точности следует букве закона, чтобы уничтожить его дух.

Глава 6. Истории выживших: личные свидетельства преследований

«Меня обвиняли в том, что я продолжаю верить в Бога, в которого я верю, в том, что я читаю Библию, и обвинительная часть моего дела — именно в этом. Но я считаю, что это абсурд полный. С этим согласны, кстати, все разумные люди, живущие в России. Правозащитники. Такая известная и авторитетная организация, как „Мемориал“, меня признала политическим заключённым в таком религиозном формате». — Из показаний Свидетеля Иеговы, скрывающегося под псевдонимом «Ник»

Анализ законодательных актов, пропагандистских кампаний и судебных решений, представленный в предыдущих главах, вскрывает анатомию репрессивной машины. Однако сухие юридические формулировки и статистические данные не способны передать истинную цену преследований — цену, измеряемую в человеческих судьбах. За каждым

номером уголовного дела, за каждым протоколом обыска и каждым днем, проведенным в заключении, стоят реальные люди, их семьи, их страх, боль и непоколебимая вера.

Эта глава — переход от макроуровня государственной политики к микроуровню личного опыта. Это архив голосов тех, кто непосредственно столкнулся с государственной машиной подавления. Их свидетельства — это не просто эмоциональные рассказы, а важнейшие юридические и исторические документы, фиксирующие преступления, совершенные от имени закона. Они доказывают, что ликвидация юридических лиц Свидетелей Иеговы решением Верховного суда от 20 апреля 2017 года стала не концом истории, а началом общенациональной кампании систематического террора, направленного против мирных граждан.

Рассмотрим несколько ключевых свидетельств, которые, подобно фрагментам мозаики, складываются в общую картину происходящего. В центре внимания будет дело Свидетелей Иеговы в Сургуте — один из самых задокументированных и жестоких эпизодов этих гонений, который в полной мере демонстрирует методы, применяемые следствием. Услышим голос адвоката, защищавшего жертв, и подробный рассказ одного из них — человека, прошедшего через пытки в следственном изоляторе и сумевшего бежать из страны. Его история, подтвержденная многочисленными источниками и признанная правозащитным центром «Мемориал», является хрестоматийным примером того, как система, созданная для защиты граждан, превращается в инструмент их истязания. Завершит главу поэтическое свидетельство — голос из-за решетки, голос узника совести, который не дожил до освобождения.

Анатомия пытки: свидетельства из Сургута

Февраль 2019 года. Город Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ. В этом сибирском городе разворачивается одна из самых мрачных сцен в новейшей истории преследования Свидетелей Иеговы в России. После серии массовых рейдов и задержаний как минимум семерых верующих подвергают жестоким пыткам прямо в здании Следственного комитета России. Цель — выбить признательные показания в организации «экстремистской деятельности».

Показания адвоката Егiazара Черникова, защищавшего интересы пострадавших, предоставляют юридически точную и леденящую кровь картину системного и организованного насилия. Его слова — это не просто пересказ событий, а профессиональное

свидетельство, зафиксированное правозащитными организациями, в том числе ПЦ «Мемориал».

«Всех моих подзащитных допрашивали следователи. В случае неудобных для них ответов следователи давали команду сотрудникам, которые были прикреплены к их кабинету, сопроводить их в так называемую пыточную комнату. Эти сотрудники лишь сопровождали в пыточные комнаты. Третьими и последними лицами были палачи, которые находились в дальнем конце коридора первого этажа здания Следственного комитета. Там базировались эти представители власти, туда приводили моих подзащитных, и там происходили пытки. ...В так называемой дальней комнате к моим подзащитным, а именно к Волосникову, Бороносу, Киму, Кайряку, Северинчику, Плехову, Логинову, применялись бесчеловечное обращение и пытки. Их ставили на колени к стене с поднятыми руками, наносили сильные удары по голове и различным частям тела. Их унижали по религиозному признаку, по национальному и другим признакам. Их били тупыми твердыми предметами по ребрам, голове. Эта пыточная комната выглядела как туалетная комната размером примерно 5 на 2 метра. С левой стороны находился умывальник. Их ставили лицом к дверям кабинок с поднятыми вверх руками, на голову надевали полиэтиленовые пакеты, заматывали скотчем шею, чтобы ограничить поток кислорода. Руки связывали скотчем за спиной, после чего их бросали на пол, ноги им тоже перематывали скотчем. В таком беспомощном состоянии мои подзащитные были не в состоянии себя защитить или предпринять какие-либо действия, чтобы уменьшить угрозу для своей жизни. Сотрудники их били, кричали на них и властно требовали: „Ты дашь вот такие показания следователю, понял?! Ты перестанешь ссылаться на статью 51, понял?! Ты скажешь следователю вот это!“ Я передаю тот эмоциональный фон, как мне это рассказывали. Даже сейчас, когда я с ними общаюсь, некоторые без слез не могут разговаривать. Волосников говорил, что вдыхал в себя полиэтиленовый пакет и пытался его прокусить, чтобы только получить воздух. В этот момент их обливали водой и наносили сильные разряды электрошока в область паха. Люди извивались от боли, говорили, что такое ощущение, будто живот переворачивается и все тело скручивается от боли. Трое сотрудников сверху били их и выбивали показания. Все это делалось в момент, когда они уже задыхались. Один из них говорил, что в момент, когда он думал, что сейчас умрет, ему давали подышать. Можно сказать, что те палачи были хорошо организованы и имели большой опыт в применении пыток. Они даже хвастались: „Мы и не таких террористов ломали“. Особый цинизм этой ситуации в том, что когда они добивались признательных показаний, на планшете писали то, на что согласилась жертва. В момент,

когда жертва соглашалась, его развязывали и вели к следователю. Перед ним на стол клали уже готовые, добытые пытками ответы. В присутствии палачей следователь формально заносил их в протокол. Если мой подзащитный возражал против формулировки, следователь давал команду палачам, и они уводили его снова на очередной круг пыток. У Рысикова было два сердечных приступа. Во время его допроса начальник следственной группы Ткач сказал ему: „Ты что, хочешь еще раз это испытать?“ Он реально воспринял эту угрозу и потерял сознание. Его жена тоже упала в обморок, ей вызывали скорую. Это была особо тяжелая психологическая ситуация для моих подзащитных».

Свидетельство адвоката Черникова вскрывает не просто отдельные случаи превышения полномочий, а отлаженный конвейер. В нем четко распределены роли: «следователи», которые ведут формальный допрос; «сопровождающие», которые доставляют жертву в пыточную; и «палачи», которые выполняют грязную работу. Эта система позволяет следователям формально сохранять «чистые руки», перекладывая ответственность за насилие на анонимных исполнителей, в то время как плодами этого насилия — признательными показаниями — они пользуются для фабрикации уголовных дел. Несмотря на медицинские освидетельствования, подтверждающие следы от пыток, и многочисленные жалобы в вышестоящие инстанции, уголовные дела в отношении сотрудников правоохранительных органов так и не были возбуждены. Система продемонстрировала свою полную круговую поруку и безнаказанность.

Хроника побега: свидетельство «Ника»

История, рассказанная одним из российских Свидетелей Иеговы, которому удалось бежать из страны, является уникальным документом. В интервью Радио Свобода, опубликованном 1 мая 2019 года, он, скрываясь под псевдонимом «Ник», подробно описал весь цикл репрессий: от первого уголовного дела и обыска до пыток в СИЗО и вынужденной эмиграции. Его рассказ от первого лица позволяет увидеть систему глазами жертвы.

Преследование Ника началось задолго до общенационального запрета 2017 года. Это доказывает, что гонения были не спонтанной реакцией, а планомерной, многолетней кампанией.

«Преследования начались ещё в 2012 году. С 2012 по 2014 год я находился под подпиской о невыезде. 28 апреля 2012 года в отношении меня было возбуждено уголовное дело по 282-й статье (УК РФ. Статья 282 „Возбуждение ненависти либо вражды, а

равно унижение человеческого достоинства“). Это уголовное дело не было доведено до суда. Несмотря на то, что было собрано одиннадцать томов материала, достаточных оснований для того, чтобы передать дело в суд, у Следственного комитета не было. И поэтому Следственный комитет попросил пойти на мировую: он прекращал уголовное дело, а я должен был согласиться без реабилитации закрыть это дело. То есть не подавать на реабилитацию. ...У нас проводились большие мероприятия Свидетелей Иеговы – конгрессы. Полторы-две тысячи делегатов чаще всего присутствовали на этих мероприятиях. Там я выступал с речами со сцены, просто как один из выступавших. И это, оказывается, всё снималось. Затем материалы этой съемки были переданы в экспертное агентство. И эксперты пришли к выводу, что мои речи носят оттенок превосходства моей религии над другими. Обвинение строилось на этом. ...Хочу сказать сразу, что это была ошибка. Потому что в том деле, которое появилось в отношении меня уже в 2018 году, первое дело использовалось как рецидив. Что я, мол, продолжаю заниматься запрещенной деятельностью».

Этот эпизод демонстрирует, как годами собирались материалы и оттачивали тактику, используя «антиэкстремистское» законодательство для давления на верующих еще до официального запрета.

Обыск и арест: вторжение в частную жизнь

16 мая 2018 года, спустя год после решения Верховного суда, система перешла от наблюдения к активным действиям. Рассказ Ника об обыске — это типичная картина того, как сотни семей Свидетелей Иеговы по всей России лишались покоя и безопасности.

«16 мая 2018 года в 6 часов утра в наш дом, где я жил с семьей, ворвались спецназ ФСБ, Следственный комитет, отдел по борьбе с экстремизмом. В общей сложности было 14 человек, которые проводили обыск в нашем доме, предъявив постановление на проведение обыска и сказав о том, что 14 мая было возбуждено против меня уголовное дело по статье 282.2, пункт первый УК РФ... Изъяли все телефоны, планшеты, компьютер, флеш-карты. Много изъяли личных вещей, таких как открытки, личные записи и т.д. И в конце обыска, ближе к вечеру, мне сказали, чтобы я собирался – меня повезут в Следственный комитет. И не только меня – сказали также собираться моей жене. ...У нашего ребёнка случился первый серьезный психосоматический приступ. У нее были сильные боли в животе, мы не могли понять сначала, что происходит. Ещё следователи

находились у нас – а она просто каталась по своей кровати, так сильно у нее болел живот. Я попросил следователей, чтобы они всё-таки не трогали супругу. Несколько раз просил и довольно-таки твёрдо. Я сказал старшему следователю, который ещё находился у нас: «Вы хотите взять на себя ответственность?! Вы посмотрите, что происходит с ребёнком! Вы готовы взять эту ответственность?» И супругу оставили дома. Меня увезли в Следственный комитет. Ребёнок спросил, когда папа приедет, – ему ответили, что сегодня вечером он вернётся домой. Домой я вернулся только через два с половиной месяца почти».

Пребывание Ника в следственном изоляторе (СИЗО) — это детальная хроника применения психологических и физических пыток, направленных на то, чтобы сломить волю человека и заставить его сотрудничать со следствием.

«— Я видел лица людей, которые сидят в тюрьмах, я слышал их разговоры и могу сказать с уверенностью: эта система озлобляет, настраивает против власти. Поощряет становиться ещё более изощрёнными преступниками.

Всё начинается с того, что тебя ещё не осудили, а уже начинают перемещать везде в наручниках. Привозят в ИВС, изолятор временного содержания, и как только ты пересекаешь эту дверь изолятора, создаётся впечатление, что ты уже не человек. Ты просто... мне даже сложно подобрать подходящее слово... ты просто существо. У которого нет никаких прав. Которое не может ничего сказать. Не может за себя постоять. Всё начинается с унижительного обыска, когда нужно показать всё, вплоть до того, что язык приподнять, щёки оттянуть. Естественно, в голом виде. И эти унижительные обыски — ты прибываешь в ИВС, тебя увозят оттуда в суд — а там этот же обыск повторяется. Это унижительное отношение сразу же опускает человеческое достоинство. Ты никто и зовут тебя никак... .

Сначала я даже и не думал, что это пытки. Казалось бы, пытки — это когда человеку под ногти вгоняют иголки, утюгом прижигают. Такого со мной не было. Тем не менее, пытки начались с самого первого дня нахождения в СИЗО. Меня туда привезли и сразу же поместили не в обычную камеру, а в изолятор, где наказывают провинившихся в СИЗО. Это такое полуподвальное помещение, метра полтора на три. Кровать, раковина и унитаз открытый. Тебя круглосуточно снимают две видеокамеры, свет не тушится круглые сутки. Маленькое окошечко — ты даже не видишь, на улице день или ночь. Меня привезли ночью. Утром я понял, в чём будет заключаться первая пытка. Мне в шесть часов утра включили очень громко музыку. Из такого хриплого динамика, который был поставлен в вытяжку.

И в моей этой маленькой камерке был такой шум и скрежет от этого динамика, что через час уже у меня голова просто раскалывалась. Мне выключили музыку только в десять вечера. И это продолжалось в течение 10–12 дней, я точно даже не помню, сколько я провёл в этом изоляторе. Через пару дней меня начали выводить на допросы, который проводил оперативный сотрудник полиции — так они официально называются. Его цель — разговорить человека, убедить, что надо сотрудничать, что нужно признаться, нужно взять на себя какие-то преступления, и так далее. Меня вызывали в его комфортный кабинет. Сначала он по-доброму, потом он мне угрожал — и так чередовалась смена ролей...

...месяц я не знал, что происходит с моей семьей, мне не разрешали встречу с адвокатом. Мне не давали книжек. Вот я находился в этой клетке 10–12 дней, и эта музыка — она меня просто убивала. От двух до четырёх раз в день приходила проверка. Меня выводили в коридор и опять обыскивали очень унижительно. Ты должен был всё им показать... все места и везде... Тебя заводили опять. Я им говорил: «Вы понимаете, что вы поступаете так, как фашисты поступали с людьми во время войны. Вы этой музыкой убиваете меня, понимаете? Убавьте, пожалуйста». А они не обращали внимания.

В других камерах, я потом обратил внимание, с музыкой была другая ситуация. У одних была выключена, у других убавлена до комфортной громкости. В изоляторе у меня всегда играла громко. Возможно, было видно через видеокамеру, какое страдание доставляет мне громкая музыка. Это моя физиологическая особенность такая. Думаю, они специально так делали, по-другому я это не могу объяснить.

Музыка включалась в шесть утра — ровно! Часов там не было, но я потом уже узнал, что это такой распорядок. В шесть часов утра подъём, в десять — отбой. Вот так я ориентировался. Узнавал, что день закончился, началась ночь. Шестнадцать часов в день мне этот хриплый динамик орал во всю мою маленькую камеру. Ситуация усугублялась ещё тем, что у меня обнаружилась фобия закрытого пространства. Мне становилось всё хуже и хуже. Начались непонятная паника, страхи непонятные, которые я раньше никогда не испытывал. Что всё плохо, закрытое пространство, сейчас начнётся пожар, я погибну. Такие вот мысли. И я не мог понять, что со мной происходит.

И когда начинались эти приступы, такое ощущение появлялось, как будто сердце заковывали в тиски. У меня случались сердечные приступы там. Периодически. Один раз мне было очень плохо, я пытался стучать, звонить — там был домофон. Никто не пришёл, мне помощь не оказал. В конечном итоге я потерял сознание. Как я потом уже понял, когда очнулся, я сполз, видимо, по этой решёточной двери на пол и, видать, так

склонил голову, что перехватило дыхание. Я чувствовал, что как будто куда-то лечу... И когда меня перевернули — я вздохнул и пришёл в себя. Оказалось, меня нашла женщина, которая привезла обед. Она открыла окно в двери, через которое подают обед, — а меня нет, я там внизу лежу. Она вызвала помощь и меня перевернули. И я задышал. Думал, на этом мои пытки закончатся — вот этой громкой музыкой, например. Но я ошибался. Меня перевели в камеру. Сначала я подумал, что это просто райские условия по сравнению с изолятором. Потому что это была довольно большая камера. Кроме меня было ещё два человека. Там было большое окно. Сначала я подумал: как хорошо. Наконец-то я могу увидеть небо. Вечером даже солнышко немножко попадало в камеру. Но потом я понял, что в этой камере очень холодно. Было две решётки — одна внутри, другая снаружи. И не было стекла. Рам не было. Стекла нет. А по ночам на улице минусовая температура в это время. Заморозки, которые продолжались неделю. Я потрогал отопление — оно отключено. Когда пригляделся к стенам, увидел, что они были влажные. К ним притрагиваешься — а с них вода течёт, как в пещере. И плесень чёрная по углам. Как я потом понял, это была угловая камера. И, вероятнее всего, её используют для того, чтобы разговорить. Потому что тех ребят, которые сидели со мной, тоже периодически вызывали и пытались побудить сотрудничать...

Ночью я понял, что эта пытка ещё более серьёзная, чем пытка звуком. Холодно настолько, что в камере прямо вьюга была. Укрыться было нечем: вместо одеяла была мешковина — она просвечивалась вся. Я, что мог, одел на себя. Ребята тоже, что могли, надели. Мы свернулись каждый калачиком на своей кровати и пытались согреться своим дыханием. Но ничего не получалось. Мы первые трое суток вообще не могли уснуть — потому что просто боялись, что замёрзнем. Задувало в камеру сильно. Первая ночь, когда прошла, мы вышли для проверки в коридор, начали просить конвоиров, чтобы они дали нам что-то заткнуть это окошко, потому что мы реально замерзаем. Мы их просили чуть ли не на коленях нам помочь. Думали, ну, может быть, они не видят, что с нами происходит. Но на наши просьбы никакого внимания не обращали и просто заталкивали в камеру обратно. И мы продолжали мёрзнуть. И я понял, насколько это серьёзно, когда нет ни одного источника тепла, кроме твоего дыхания. В этих условиях я провёл две недели примерно.

Всё это время в заключении меня продолжала мучить фобия закрытого пространства. И знаете, я вспоминаю изолятор — ты ходишь в туалет, а тебя снимает камера. Как справлять нужду, когда на тебя смотрят? Может, женщина смотрит — ты не знаешь, кто тебя снимает. И эта съёмка происходит постоянно, в каждой камере, где бы я ни

находился. Свет ночью не тушат. Ты постоянно под присмотром. И это ужасно. Это оправдывается тем, что таким образом ФСИН борется с произволом. Но на самом деле это унижает человеческое достоинство и опускает его так, что потом человеку нужно время, чтобы прийти в себя. И вот когда я пришёл в чувство, находясь под домашним арестом, я начал понимать, что произошло. И, честно говоря, я всё ещё нуждаюсь в помощи психолога. Я здесь попросил помощи психолога — не только я, вся моя семья. Мы стали другими людьми. В нас что-то сломалось. Подавлены все надежды на справедливость. И вот эти все унижения, они, конечно, не проходят просто так...

Нас раз в неделю выводили на 10–15 минут помыться в обычном общем душе. Там даже рассеивателя не было, просто текла струя воды и тебе нужно было по-быстрому под этой струей помыться. Так называемая «баня» это была. Это, конечно, тоже громкое название...

Уже на улице настала даже жара. Это было уже лето. Меня переводят в очередную камеру. Я туда зашёл. И не знал, то ли плакать мне, то ли смеяться. В этой камере было ужасно тесно: пять человек, которые там уже сидели, я был шестой — а камера три метра на шесть всего, включая туалет с раковиной, там ужасно было тесно. Плюс было душно и жарко. Эта камера была на солнечной стороне тюрьмы, с пластиковым окном, которое почти не открывалось: мешала решётка. Приоткрывалось только на узенькую щель. Эта камера находилась напротив душа. И весь пар из душа через вытяжку шёл в нашу камеру. Я когда зашёл туда — ребята сидят в трусах, с картонками и обмахиваются. С них течёт пот, как будто они находятся в бане. Стены опять сырые, но уже от пара. И я чувствую — я только зашёл, а мне уже тяжело дышать, потому что там кислорода совершенно нет. И ещё все ребята сидят курят прямо в камере. А я некурящий. И я полчаса ходил, не мог сесть. Ребята не могут понять, что со мной происходит, а мне и смешно, и страшно, и горько от того, что надо мной продолжают издеваться. И в этой жаре, в этой камере я сидел всё оставшееся время. Душа у нас в камере совсем не было. Мы изнывали от жары. Единственное, ночью, часа в три–четыре мы могли немножко подышать. Пар из душа расходился. Я потом уже понял, что этот пар специально устроен, чтобы разговорить человека...

Третьего августа меня перевели под домашний арест, где я находился ещё семьдесят дней.»

«— Домашний арест — это браслет, который тебе надевают на ногу. Аппарат, который ты подключаешь к сети, и ты не можешь отойти от этого аппарата дальше трёх-

четырёх метров. Если отходишь немножко дальше, срабатывает датчик и в УФСИНе фиксируется, что я нарушил домашний арест.

— Три-четыре метра — это даже не одна комната?

— Естественно. Это было очень сложно, пытаться не нарушить этот запрет. И я понимал, что любое нарушение грозит возвращением в СИЗО, и после того, что я там испытал, я не хотел туда обратно. Домашний арест всё равно был лучше СИЗО хотя бы потому, что я был со своей семьёй. С другими мне не позволялось общаться: только с супругой, ребёнком, мамой. Затем получила разрешение меня проведывать моя сестра. Больше ни с кем мне не позволялось общаться. Я находился под постоянной прослушкой, видеонаблюдением, браслет опять-таки...

И когда я вышел из тюрьмы, я увидел, как постарела моя супруга. В каком состоянии находится ребёнок — и испытал глубокий шок. Сколько нашей семье было причинено, горя — это сложно взвесить, понять, осмыслить, если ты этого не испытаешь и через это не пройдёшь...

Когда я сидел, у меня периодически возникала ассоциация со Свидетелями, над которыми издевались во времена фашизма в Германии. Я читал много биографий Свидетелей Иеговы, которые описали пребывание в лагерях. Их тоже морили холодом, жарой, использовали громкую музыку для того, чтобы подавить их сознание, повлиять на них. То есть это то же самое...

После обыска все мы, при каждой остановке машины около нашего дома или при каждом стуке соседних ворот мы просыпались. Потому что был постоянный страх. Страх повторения обыска, страх вернуться в СИЗО, страх вновь разлучиться.»

«В Следственном комитете моей супруге намекнули — вероятнее всего, как мы потом подумали, из-за того, что она сама когда-то работала следователем, — что её хотят перевести в обвиняемые. И, возможно, арестуют. Жена у меня тоже Свидетель Иеговы. В это же время в школе дочери зачем-то назначили разговор с психологом и социальным педагогом. Мы посоветовались с друзьями и узнали, что это такой первый шаг для изъятия ребёнка из семьи.

В России есть такой сейчас закон: две беседы с социальным педагогом и психологом. Если они принимают решение, что нахождение в семье угрожает ребёнку, то это может способствовать изъятию ребёнка из семьи. Ну естественно, если в семье, по мнению властей, два экстремиста, особо опасных преступника, то ребёнок находится в опасности. Мы поняли, что не можем терять времени. И эти два события послужили последней каплей...

У нас надежда была с 2012 года, что в России здравый смысл всё-таки возобладает. Всё-таки Россия — страна, стремящаяся к демократическим ценностям. Страна, стремящаяся в евроинтеграцию, считающая себя мировым лидером. И она сможет разобраться в этом вопросе. Тем более чуть ранее президент Владимир Владимирович Путин сказал о том, что Свидетелей Иеговы преследуют незаконно. Что это полная чушь. Что в этом надо разобраться.

Мы ждали, что всё-таки президент России, который имеет авторитет и власть, разберётся. Тем более если у него есть желание разобраться. Мы думали, что ситуация должна переломиться. Но этого не произошло. Ситуация усугублялась с каждым днём, часом. И мы с женой приняли решение покинуть пределы Российской Федерации. Мы бросили наш дом, машину. Всё, что в доме. И с одним чемоданом приехали искать мощь в другую страну.

— Как вам удалось приехать в другую страну, пересечь границу?

— Добрые люди помогли. И бог помог. Просто чудо. Поэтому я единственный до сих пор из находившихся в СИЗО и находящихся в федеральном розыске, кому удалось бежать».

Рассказ Ника завершается размышлениями о будущем и об абсурдности ситуации, в которой законопослушные и социально активные граждане вынуждены становиться беженцами, а государство, по сути, выдавливая из страны свой собственный человеческий капитал».

«Зачем терять людей: непьющих, законопослушных, многие из них талантливы. Допустим, мой ребенок мог даже прославить Россию, как юный талантливый музыкант. Я мог бы своими руками и дальше приносить дальше пользу людям. Моя жена – юрист. И мы не одни такие. Я вижу: здесь в лагере находятся люди образованные, разумные. Логика нет никакой, и большой вопрос: почему всё это происходит. Вопрос без ответа, к сожалению».

Голос из-за решетки: поэма узника совести

Не всем узникам совести удалось выжить в заключении. Некоторые не выдержали нечеловеческих условий содержания и отсутствия надлежащей медицинской помощи. Одним из таких погибших был Свидетель Иеговы, которому незадолго до смерти удалось передать на волю стихотворение. Этот текст, стал его последним свидетельством

— документом огромной силы, в котором личная боль переплетается с пророческим осмыслением происходящего.

Это стихотворение — не просто крик души. Это точный диагноз системе, в которой вновь, как и во времена нацизма, возрождается язык ненависти и практика клеймения «врагов». Он осознает себя звеном в длинной цепи мучеников за веру и видит в современных гонениях прямое продолжение тоталитарных практик прошлого.

Как много лжи, как много боли
Мы испытали за года.
Пришёл нацизм, нацизм на воле,
Здесь антикультова чума.

Клеймят меня — а больно детям,
И сердце сжалось от тоски.
Ведь больше некому на свете
Спасти детей от их сети.

От антикультовых гонений,
От тьмы подонков и чертей.
Когда живёшь без прав, без мнений,
Ты — «хуже крыс» и «хуже вшей».

Не человек, а «клетка рака» —
Клеймил тебя РАЦИРСа пёс.
От этой бешеной собаки
Так много боли перенёс.

От СМИ РАЦИРСа нет покоя.
Их ложь пестрит, а правда в том:
Клеймо «сектант» — судьба изгоя,
Клейма не хочешь — будь рабом.

Рабом системы, рабом смерти,
Рабом маньяков, нелюдей,

Рабом нацистского преемства,
Рабом беснующих чертей.

Забудь про правду и свободу.
Про совесть тоже позабудь.
Клейми других людей народа.
Террор устрой — в этом вся суть.

Вся суть рацирского нацизма.
Но знай, что это не спасёт.
Дамоклов меч над твоей жизнью,
Тьма антикультува грядёт.

Адепты Дворкина взбесились
Во тьме уродливых гримас,
И низко фюреру склонились,
Чтоб воплотить его приказ.

Антикультисты наготове,
Но в мире есть не только зло.
Есть шанс посбрасывать оковы,
Надежда есть и есть добро.

Огонь добра теплится в каждом.
Ты разожги его сильнее.
Те, кто сегодня правды жаждут,
Восполнят жажду от друзей.

Друзья несут друг другу слово,
Ведь сила слова велика.
Пришёл момент идти по зову,
По зову сердца и добра.

Эти строки, написанные в неволе, являются одновременно и обвинительным актом, и завещанием. Они служат мощным напоминанием о том, что за каждой строкой уголовного кодекса и каждым судебным решением стоят не абстрактные правовые категории, а реальные человеческие страдания и несокрушимая сила духа. Голоса выживших и погибших сливаются в единый хор, свидетельствующий о трагедии, которая разворачивается в России в XXI веке, — трагедии, уроки которой мир, казалось, выучил еще в 1945 году.

Глава 7. Международная реакция и ее пределы

«Правосудие без силы бессильно; сила без правосудия деспотична»

Блез Паскаль

В предыдущих главах было проанализировано внутреннюю механику двух репрессивных кампаний, разделенных почти столетием: от идеологического конструирования «врага» до его юридического осуждения и физического подавления. Мы увидели, как нацистский режим и современные российские власти, несмотря на колоссальные различия в риторике и методах, пришли к схожему результату — криминализации мирной веры Свидетелей Иеговы. Но любая национальная трагедия в XXI веке неизбежно становится предметом международного рассмотрения. Мир, переживший ужасы двух мировых войн и создавший на их руинах сложную архитектуру защиты прав человека, больше не может позволить себе роскошь молчаливого невмешательства.

Эта глава посвящена анализу реакции международного сообщества на преследования. Она отвечает на ключевые вопросы: заметили ли эти события за пределами региона? Если да, то как мир отреагировал? Какие инструменты — правовые, дипломатические, политические — были использованы? И главное, насколько эффективным оказалось это вмешательство? Смогла ли глобальная система защиты прав человека, созданная для предотвращения повторения трагедий прошлого, справиться с их современной версией?

Для этого проведем сравнительный анализ двух исторических эпох. Сначала мы обратимся к 1930-м и 1940-м годам, чтобы установить точку отсчета — почти полное международное безразличие к судьбе Свидетелей Иеговы под гнетом нацизма, обусловленное политикой умиротворения и слабостью зарождавшихся международных институтов. Затем перенесемся в современность, чтобы изучить многогранную и громкую

реакцию на гонения в России — от вердиктов Европейского суда по правам человека до резолюций ООН и санкций отдельных государств.

Но кульминацией расследования станет анализ пределов этой реакции. Мы покажем, как правовая победа в залах международных судов столкнулась с непробиваемой стеной государственного суверенитета, подкрепленного политической волей и военной силой. Эта глава — история о величайшем достижении послевоенного мира, системе защиты прав человека, и о ее трагической уязвимости перед лицом авторитарного ренессанса. Эта работа исследует конфликт между юридической властью и принудительной силой, анализируя последствия ситуаций, в которых механизмы правосудия оказываются неэффективными.

Исторический эталон: эпоха молчания и бессилия (1933–1945)

Чтобы в полной мере оценить масштаб современной международной реакции, необходимо сперва погрузиться в оглушительную тишину, которая окружала преследование Свидетелей Иеговы в нацистской Германии. Мир 1930-х годов был миром, парализованным последствиями Великой депрессии и травмой Первой мировой войны. Доминирующей парадигмой в международных отношениях была политика умиротворения агрессора, а сам концепт универсальных прав человека, стоящих выше государственного суверенитета, еще не был сформулирован и институционализирован.

Реакция ведущих мировых держав на внутреннюю политику нацистского режима, включая преследование политических оппонентов, евреев и религиозных меньшинств, была крайне сдержанной. Судьба небольшой, аполитичной группы, насчитывавшей всего около 25 000 человек, просто терялась на фоне глобальных геополитических сдвигов. Принцип невмешательства во внутренние дела суверенного государства был незыблем. Лига Наций, предшественница ООН, не обладала ни волей, ни реальными механизмами для того, чтобы остановить внутренний террор в одной из ведущих европейских держав.

Доступные исторические архивы не содержат свидетельств о каких-либо значимых дипломатических нотах, межправительственных резолюциях или санкциях, принятых в защиту Свидетелей Иеговы в тот период. Мир смотрел, как в Германии строится тоталитарное государство, но предпочитал не замечать его внутренние преступления, надеясь сохранить хрупкий мир.

Не последовало и единой мощной реакции со стороны других христианских церквей. Многие традиционные конфессии в Германии и за ее пределами видели в Свидетелях Иеговы «еретиков» и активных конкурентов в борьбе за паству. Как мы видели в предыдущих главах, теологические «эксперты» из числа представителей лютеранской церкви, такие как Вальтер Кюннет, не только не защищали Свидетелей, но и активно сотрудничали с Гестапо, снабжая его «научными» обоснованиями для репрессий. Католическая церковь, в свою очередь, в 1933 году заключила с нацистским режимом конкордат, пытаясь обеспечить собственное выживание, что на раннем этапе способствовало легитимации режима Гитлера на международной арене.

В условиях практически полного международного вакуума Свидетели Иеговы предприняли собственные отчаянные попытки донести правду до мира. Они организовывали международные кампании по рассылке писем и телеграмм главам государств, информируя их о жестоких преследованиях. 7 октября 1934 года была предпринята скоординированная акция, когда тысячи писем были отправлены непосредственно правительству Гитлера. Как уже отмечалось, эта акция была воспринята режимом как наглая провокация и лишь усилила репрессии.

Таким образом, исторический контекст 1930-40-х годов — это контекст почти полного отсутствия эффективной международной реакции. Жертвы были оставлены один на один со своим палачом. Эта эпоха молчания и служит темным фоном, на котором реакция на современные гонения в России выглядит особенно контрастно и ярко.

Эпоха институтов: глобальное осуждение преследований в России

Запрет Свидетелей Иеговы в России в 2017 году и последующая волна репрессий произошли в совершенно ином мире — мире, где существуют десятки международных и национальных институтов, созданных для мониторинга и защиты прав человека. В отличие от 1930-х, на этот раз мир не молчал. Реакция была многоуровневой, практически единодушной и исходила от судебных, политических и общественных институтов по всему миру.

Самым мощным и юридически значимым ответом на действия российских властей стали постановления Европейского суда по правам человека — высшей судебной инстанции на континенте, чья юрисдикция на тот момент распространялась на Россию. ЕСПЧ рассмотрел многочисленные жалобы от Свидетелей Иеговы и вынес несколько

знаковых решений, которые не оставили камня на камне от юридических конструкций российского обвинения.

Ключевое постановление от 10 июня 2010 года по делу «Свидетели Иеговы в Москве против России» стало первым серьезным ударом по репрессивной политике. Суд признал ликвидацию московской общины нарушением статей 9 (свобода религии) и 11 (свобода собраний) Европейской конвенции. ЕСПЧ постановил, что российские суды «не представили относимых и достаточных оснований» для вмешательства и продемонстрировали «предубеждение» против заявителей. Суд отверг все обвинения — от «разрушения семей» до «угрозы здоровью» — как необоснованные и признал меру ликвидации «непропорциональной».

Кульминацией стало историческое решение от 7 июня 2022 года по объединенному делу «МРО Таганрог и другие против России». Это постановление касалось уже общенационального запрета 2017 года и массовых преследований. Выводы ЕСПЧ были разгромными для российской системы правосудия:

Определение «экстремизма» было признано незаконным. Суд прямо указал, что российские власти использовали «чрезмерно широкое» определение «экстремизма» для подавления мирной религиозной группы, и что **«ни в одной из запрещенных публикаций не содержалось призывов к насилию или разжиганию ненависти».

Религиозная практика была признана мирной. Суд отверг аргументы российских властей об «угрозе общественному порядку», заявив, что «нет никаких доказательств того, что религиозная практика Свидетелей Иеговы угрожает общественному порядку».

Запрет был признан актом нетерпимости. ЕСПЧ заключил, что принудительная ликвидация всех 395 юридических лиц Свидетелей Иеговы «была результатом системной политики религиозной нетерпимости» со стороны российских властей.

Были вынесены конкретные предписания. Суд потребовал от России немедленно прекратить все находящиеся в производстве уголовные дела, освободить всех находящихся в заключении Свидетелей Иеговы и выплатить заявителям компенсацию морального вреда и судебных издержек на общую сумму более 63 миллионов евро.

Решения ЕСПЧ имели колоссальное моральное и юридическое значение. Они не просто осудили действия России, а авторитетно, на уровне высшего европейского суда, признали всю кампанию преследований незаконной, а обвинения в экстремизме — сфабрикованными.

Осуждение не ограничилось судебными инстанциями. Оно прозвучало на всех ключевых международных площадках.

Организация Объединенных Наций (ООН):

Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) неоднократно выражало глубокую обеспокоенность. После приговора Деннису Кристенсену в 2019 году тогдашний Верховный комиссар Мишель Бачелет назвала его «опасным прецедентом», который «криминализирует право на свободу религии» в нарушение международных пактов⁵.

Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям в нескольких своих заключениях признала задержания Свидетелей Иеговы в России незаконными и нарушающими международное право⁶.

Комитет ООН по правам человека в своих докладах прямо указывал, что российское антиэкстремистское законодательство используется для подавления свободы слова и вероисповедания.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ):

Начиная с 2008 года, на площадках ОБСЕ регулярно звучали заявления и доклады о нарастающих гонениях. Так, в заявлении от 2008 года детально описывались попытки прокуратур квалифицировать деятельность Свидетелей как экстремистскую и давление со стороны ФСБ.

ПАСЕ в своей Резолюции 1896 (2012) выразила «глубокую озабоченность по поводу неправомерного применения законодательства о борьбе с экстремизмом... в отношении религиозных меньшинств, таких как Свидетели Иеговы».

Правительства и межгосударственные союзы:

Европейский Союз и его отдельные страны-члены (Германия, Великобритания, Нидерланды и др.) неоднократно выступали с заявлениями, осуждающими запрет и преследования.

США заняли одну из самых жестких позиций. Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) внесла Россию в список «стран, вызывающих особую озабоченность». Более того, США ввели персональные санкции (запрет на въезд и заморозка активов) против российских силовиков, в частности, руководителей следственных органов Сургута, причастных к пыткам Свидетелей Иеговы в 2019 году.

В декабре 2021 года Международный альянс за свободу вероисповедания или убеждений, объединяющий более 30 стран, выпустил совместное заявление с призывом немедленно освободить всех заключенных Свидетелей Иеговы.

Голос гражданского общества: роль правозащитных организаций

Ключевую роль в документировании преступлений и информировании мирового сообщества сыграли независимые правозащитные организации.

Amnesty International и *Human Rights Watch* выпустили десятки отчетов и пресс-релизов, в которых детально описывали обыски, аресты, судебные процессы и случаи пыток. Они назвали запрет Свидетелей Иеговы «ужасающим посягательством на свободу религии» и систематически признавали осужденных верующих узниками совести.

Российские правозащитные организации, прежде всего Правозащитный центр «Мемориал» (до его ликвидации) и Информационно-аналитический центр «Сова», вели скрупулезный мониторинг преследований, признавали заключенных Свидетелей Иеговы политзаключенными и предоставляли юридический анализ абсурдности обвинений в экстремизме.

В совокупности все эти заявления, резолюции и отчеты создали картину тотального международного осуждения. В отличие от эпохи молчания 1930-х, в XXI веке репрессивная кампания России против Свидетелей Иеговы была встречена оглушительным хором голосов, требующих ее прекращения.

Международное осуждение было практически единодушным. Юридический вердикт ЕСПЧ был окончательным и недвусмысленным. Казалось, у российской власти не осталось иного выбора, кроме как подчиниться и прекратить гонения. Однако именно здесь проявились фундаментальные пределы современной системы защиты прав человека. Реакция России на этот шквал критики была демонстративно пренебрежительной и свела на нет многолетние усилия международного сообщества.

Выход из системы и отрицание правосудия

Российские власти выбрали стратегию полного игнорирования и самоизоляции.

Отказ от исполнения решений ЕСПЧ: еще до вынесения ключевого решения 2022 года, на фоне резкого ухудшения отношений с Западом после 2014 года, в России был принят закон, дающий Конституционному суду право признавать решения ЕСПЧ «неисполнимыми», если они противоречат Конституции РФ. После начала

полномасштабного вторжения в Украину этот процесс достиг своего апогея. 11 июня 2022 года, через четыре дня после вердикта по делу Свидетелей Иеговы, президент Путин подписал законы об окончательном неисполнении в России всех решений ЕСПЧ, вынесенных после 15 марта 2022 года.

Выход из Совета Европы: параллельно Россия инициировала и завершила процесс выхода из Совета Европы, тем самым полностью освободив себя от юрисдикции ЕСПЧ на будущее.

Продолжение и ужесточение репрессий: несмотря на требования ЕСПЧ, преследования не только не прекратились, но и продолжились с новой силой. Количество уголовных дел, обысков и тюремных сроков продолжало расти. На начало 2025 года, согласно данным правозащитных организаций, число верующих, столкнувшихся с уголовным преследованием, превысило 800 человек, а более 120 находились в заключении.

Почему международная реакция оказалась бессильной?

Современный российский режим исходит из доктрины «суверенной демократии», согласно которой внутренние дела страны, включая вопросы безопасности и юриспруденции, являются исключительной прерогативой национальных властей. Международное право рассматривается не как наднациональная норма, а как один из инструментов внешней политики, который можно игнорировать, если он противоречит национальным интересам.

У международных институтов, включая ЕСПЧ и ООН, нет армии или полиции для принудительного исполнения своих решений на территории суверенного государства, особенно такого крупного и обладающего правом вето в Совете Безопасности, как Россия. Их сила — в авторитете и доброй воле государств-участников. Когда эта добрая воля исчезает, их решения превращаются в «бумажных тигров».

Преследование Свидетелей Иеговы было вписано властями в более широкий контекст противостояния России и Запада. Обвинения в «экстремизме» тесно переплетались с пропагандой о «западных агентах» и «американских сектах». В этой парадигме любое внешнее давление воспринималось не как легитимная забота о правах человека, а как враждебное вмешательство во внутренние дела и еще одно доказательство «правоты» репрессивной политики.

История международной реакции на преследование Свидетелей Иеговы — это трагическая история о великом прогрессе и фундаментальном бессилии. Прогресс очевиден: мир прошел огромный путь от оглушительного молчания 1930-х до мощного и

консолидированного хора осуждения в 2020-х. Вся архитектура защиты прав человека — от судов до НПО — сработала так, как и была задумана.

Однако эта история демонстрирует и горькую правду о пределах этой архитектуры. Когда мощное государство решает, что его суверенная воля выше универсальных норм, и готово пойти на полную конфронтацию с международным правовым порядком, самые авторитетные резолюции и самые справедливые судебные решения оказываются бессильны. Щит международного права, созданный для защиты личности от произвола государства, трещит и ломается, когда государство решает, что ему больше не нужны ни международное признание, ни верховенство права.

Судьба Свидетелей Иеговы в России стала лакмусовой бумажкой, проявившей глубокий кризис всей послевоенной системы международных отношений. Она показала, что правосудие без силы действительно может оказаться бессильным. И в этом злое-щем эхе прошлого, в этом столкновении закона и силы, решается судьба не только тысяч верующих в России, но и будущее самой идеи о том, что существуют права, которые не может отнять ни одно государство, и преступления, которые не останутся без последствий.

ЧАСТЬ III. СИНТЕЗ И ВЫВОДЫ

Глава 8. Уроки истории и угрозы будущему

В ходе настоящего расследования, охватывающего многолетнюю деятельность Александра Дворкина и созданной им антикультовой машины, было последовательно вскрыто пласты дезинформации, анализировали механизмы пропаганды и документировали трагические последствия развязанной им кампании ненависти. Основываясь на хронологии событий, юридическом анализе судебных процессов и свидетельствах жертв, можно синтезировать эти факты в единую, неопровержимую картину. Она демонстрирует, что деятельность РАЦИРС и ее идеологов является не частным мнением и не формой общественной дискуссии, а представляет собой системную, целенаправленную технологию социального разрушения. Эта технология имеет прямые и неоспоримые аналоги в самых мрачных периодах истории геноцида XX века.

Фундаментом любой кампании по массовому преследованию является дегуманизация — процесс лишения определенной группы людей их человеческого статуса в глазах общества. Это необходимый подготовительный этап, который делает последующее насилие не только возможным, но и психологически приемлемым для исполнителей и молчаливых наблюдателей. Анализ риторики Александра Дворкина, основанный на ранее не рассмотренных материалах, вскрывает точное, почти текстуальное совпадение его методов с технологиями, отработанными пропагандистской машиной Третьего рейха.

Ключевой приём в арсенале Дворкина — это перевод религиозного выбора из сферы конституционных прав и свобод в область патологии. Верующий перестает быть субъектом права, носителем убеждений, и превращается в «больного», «зомбированного», «запрограммированного» адепта, не способного к самостоятельному мышлению. Эта подмена понятий позволяет обойти фундаментальные принципы свободы совести и оправдать «принудительное лечение» — то есть репрессии.

Дворкин формулирует этот подход с предельной откровенностью:

«Любой сектант — это, по определению, фанатик. Потому что сектант, член тоталитарной секты, если ему прикажут лгать, воровать, убивать и так далее, он просто не задумываясь выполнит приказ».

Эта фраза — квинтэссенция его метода. Она демонстрирует переход от предполагаемой «экспертной оценки» к вынесению социального вердикта. Человек, получивший ярлык «сектанта», автоматически лишается презумпции здравомыслия, а его убеждения объявляются не мировоззрением, а симптомом болезни.

Далее эта медицинская метафора развивается в сторону социального дарвинизма, полностью повторяя риторику нацистов о «паразитических элементах», подрывающих здоровье «народного тела» (Volkskörper). Сравним: пропаганда Третьего рейха представляла евреев как инородный организм, высасывающий жизненные соки из немецкой нации. Теперь рассмотрим высказывание Дворкина, сделанное на лекции в Екатеринбурге еще в 1996 году, которое доказывает, что эта идеология была заложена в основу его движения с самого начала:

«Сектанты, они не работают, они не приносят пользы обществу... Они могут только... выжимать, выжимать и выжимать деньги из государства и людей, выжимать силы, выжимать здоровье, выжимать труд...»

Обвинение в социальном паразитизме — это не просто оскорбление. Это идеологическое обоснование для «санитарных мер». Если группа людей объявлена бесполезным и вредоносным наростом на теле общества, то ее изоляция и «удаление» начинают восприниматься как благо, как акт оздоровления нации. Таким образом, Дворкин, выступая в роли «социального врача», готовит общественное сознание к необходимости репрессий, представляя их не актом несправедливости, а необходимой хирургической операцией.

Эмпирическая связь: от риторики к физической агрессии

Критики антикультового движения часто указывают на его роль в разжигании ненависти. Однако до сих пор связь между конкретными высказываниями и актами насилия рассматривалась как косвенная. Новые данные, полученные в ходе исследования «Religious Extremism of Alexander Dvorkin» (sectes-info.com, ноябрь 2010 г.), позволяют установить прямую и пугающую корреляцию. Деятельность Дворкина и его последователей в регионах — это не просто лекции, а спусковой крючок, превращающий латентную ксенофобию в открытую физическую агрессию.

Многочисленные документально подтвержденные случаи, описанные в отчете, демонстрируют, как выступления Дворкина и его сторонников в регионах становятся катализатором насилия. Их публичная риторика, демонизирующая «сектантов», дает местным радикалам и неуравновешенным элементам идеологическое оправдание и моральную санкцию для нападений. Потенциальные агрессоры начинают верить, что, совершая

акты насилия против Свидетелей Иеговы, они выполняют общественно полезное действие, «очищая» свою землю от «врагов».

Таким образом, деятельность Дворкина — это не просто выражение мнения, а технология провоцирования насилия. Она создает атмосферу, в которой преступления на почве ненависти становятся не просто возможными, а неизбежными.

Разделяй и властвуй: стратегические параллели тоталитарного контроля

Ключевой задачей любого тоталитарного проекта является атомизация общества — разрушение горизонтальных связей, будь то семейные узы, общественная солидарность или межконфессиональное уважение. Изолированными индивидами и группами управлять гораздо легче. Сравнительный анализ стратегических подходов нацистского режима и идеологов РАЦИРС, основанный на ранее не сопоставлявшихся цитатах, выявляет полную идентичность их целей: изолировать неуютную группу, лишив ее поддержки со стороны остального общества, и не допустить формирования единого фронта сопротивления.

Рассмотрим два высказывания, разделенные десятилетиями, но поразительно схожие по своей стратегической логике. Первое принадлежит Адольфу Гитлеру и было зафиксировано Мартином Борманом в сборнике «Застольные беседы Гитлера». Оно касается политики на оккупированных восточных территориях:

«Нашим интересам... соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Если даже таким образом в отдельных деревнях возникнет шаманство, ...мы можем это только приветствовать, ибо это увеличит число факторов, дробящих русское пространство и ведущих к распаду».

Стратегия нацистов была предельно циничной и ясной: поощрять религиозное дробление, чтобы ослабить крупные, организованные церкви (в первую очередь, Православную), которые могли бы стать центром консолидации и сопротивления. Раздробленное на мелкие, враждующие друг с другом «секты» общество легко контролировать.

Теперь проанализируем стратегию Александра Дворкина, которую он последовательно реализует. Ее суть выражена в многократно повторенном им тезисе об искусственном разделении всех религий на два сорта:

«Необходимо отличать традиционные для России религии от тоталитарных сект. Православие, ислам, иудаизм, буддизм — это наш культурный код. А такие организации, как Свидетели Иеговы, сайентологи — это чужеродные, деструктивные культы, пришедшие с Запада для разрушения нашего общества».

На первый взгляд, цели Гитлера и Дворкина противоположны: один поощряет «секты», другой с ними борется. Но это лишь тактическое различие. Стратегическая цель у них одна и та же — раскол общества по религиозному признаку и разрушение солидарности.

Гитлер хотел использовать «секты» для ослабления сильных церквей. Дворкин использует «сильные церкви» для уничтожения религиозных меньшинств, которых он клеймит «сектами». Результат в обоих случаях одинаков: разрушается принцип единства религиозных организаций в отстаивании общей для всех свободы совести.

Представив гонения на Свидетелей Иеговы не как атаку на религию, а как борьбу с «опасными иностранными культами», Дворкин добился стратегической цели: он обеспечил молчаливое согласие или даже поддержку со стороны представителей «традиционных» конфессий. Они не восприняли эту атаку как угрозу для себя, не осознав, что технология, отработанная на одной группе, с легкостью может быть применена к любой другой. Так же, как Гитлер срамливал народы и группы между собой, Дворкин противопоставляет «традиционные» религии «нетрадиционным», разрушая потенциальный единый фронт защиты конституционных прав и делая все общество более уязвимым для государственного контроля. Стратегия идентична — разделяй и властвуй.

Институционализация лжи: псевдонаука и государственный аппарат

Самая изощренная пропаганда останется лишь набором лозунгов, если она не будет подкреплена авторитетом науки и силой государства. Финальный и самый важный элемент системы Дворкина — это создание видимости научной легитимности для своих тезисов и глубокое сращивание его антикультовой структуры с государственным репрессивным аппаратом. Новые факты наносят по этой конструкции сокрушительный удар, исходящий из недр самой системы.

Годами Александр Дворкин и его последователи строили свою деятельность на фундаменте так называемой «деструктологии» — псевдонаучной концепции, призванной придать их обвинениям вес экспертного знания. Именно на основании «деструктологических экспертиз» выносились судебные решения о запрете религиозной

литературы и целых организаций. Однако в 2023 году этот карточный домик рухнул. И обрушил его не оппозиционный журналист или адвокат, а высший государственный экспертный орган.

В рамках резонансного «театрального дела» Российский федеральный центр судебной экспертизы (РФЦСЭ) при Министерстве юстиции Российской Федерации дал официальное заключение, которое ставит точку в вопросе научности концепций Дворкина. Как сообщило издание РБК 30 июня 2023 года, эксперты пришли к однозначному выводу:

Защита обвиняемых представила заключение Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте РФ о том, что «комплексной деструктологической судебной экспертизы как вида не существует» и она не может быть включена в перечень судебных экспертиз «по причине того, что деструктология не является наукой».

Вся «научная» база, созданная Дворкиным и десятилетиями продвигаемая им, официально признана псевдонаукой главным экспертным учреждением того самого министерства, при котором Дворкин годами возглавлял Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы.

Все «экспертные» заключения, на основании которых литература Свидетелей Иеговы признавалась «экстремистской», а их организация была ликвидирована, являются юридически и научно ничтожными. Они базировались на методологии, которую сама государственная система в итоге отвергла как лженаучную.

Государственная машина действовала на основе заведомо ложных предпосылок РАЦИРС. Это неопровержимо доказывает, что «экспертиза» никогда не была инструментом поиска истины. Она была лишь ширмой, идеологическим прикрытием для выполнения политического заказа на уничтожение неугодной религиозной организации.

Этот факт является окончательным приговором системе «экспертного правосудия» и доказывает, что преследование Свидетелей Иеговы не имело под собой никаких реальных правовых или научных оснований.

Как же лженаучная концепция смогла стать основой для государственных репрессий? Ответ кроется в глубоком институциональном и личном симбиозе антикультового движения с представителями власти, в первую очередь — с Министерством юстиции и силовыми ведомствами.

Ранее не привлекавший широкого внимания, но критически важный факт: ключевой период интенсификации преследований (2009–2017) и последующая ликвидация Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России пришлось на время, когда пост

Министра юстиции РФ занимал Александр Коновалов (2008–2020). Согласно данным из открытых источников, Александр Коновалов в период своей учебы в Свято-Тихоновском гуманитарном университете был студентом Александра Дворкина.

Эта персональная связь объясняет, как Дворкин, не имеющий профильного признанного научного образования в области религиоведения, смог возглавить Экспертный совет при Минюсте и превратить его в инструмент для расправы. Бывший студент на посту министра создал для своего учителя режим максимального благоприятствования, при котором псевдонаучные заключения ложились в основу исков о ликвидации, подаваемых ведомством Коновалова.

Но сращивание не ограничивалось высшими эшелонами. РАЦИРС вела системную работу по идеологической обработке рядовых и руководящих сотрудников силовых структур. Многочисленные отчеты и фотографии с официальных сайтов региональных епархий и отделений РАЦИРС подтверждают, что Дворкин и его ближайшие соратники (такие как протоиерей Александр Новопашин) регулярно проводили лекции и семинары для действующих сотрудников ФСБ, МВД и Следственного комитета.

На этих мероприятиях силовиков обучали не праву и криминалистике, а языку и методологии «сектоведения». Им внушали, что Свидетели Иеговы — это не граждане с конституционными правами, а adeпты «деструктивного культа», шпионы, экстремисты и враги государства. Такая идеологическая индоктринация создавала у правоохранителей искаженную картину реальности, в которой их жертвы были заранее лишены человеческого статуса. Это объясняет запредельную и немотивированную жестокость, проявленную при обысках и пытках, как это было, например, в Сургуте. Силовики действовали в парадигме, в которой им было дано моральное разрешение на насилие. РАЦИРС поставлял им не просто информацию, а индульгенцию.

Практика террора: от запрета к пыткам

Теория ненависти и институциональное сращивание неизбежно приводят к практическим последствиям. Новые, ранее не представленные в книге примеры демонстрируют, как отлаженная Дворкиным система трансформировалась в реальный государственный террор после запрета организации в 2017 году.

После решения Верховного суда репрессивная машина, идеологически смазанная «сектоведением», заработала на полную мощность. Статистика, собранная правозащитными организациями, рисует картину тотальной войны против мирных верующих:

На декабрь 2023 года общее число уголовных дел достигло 376, фигурантами стали 789 человек.

С 2017 года проведено свыше 2000 обысков в домах верующих.

На конец 2023 года 141 человек был приговорен к реальным срокам лишения свободы.

География преследований охватывает всю страну. Новые дела, не упоминавшиеся ранее, подтверждают системный характер кампании:

Новосибирск (декабрь 2023): Марина Чаплыкина приговорена к 4 годам колонии, Валерий Малецков — к 6 годам за организацию «экстремистской деятельности».

Псков (июнь 2020): Геннадий Шпаковский получил самый суровый на тот момент срок — 6,5 лет колонии (позже заменен на условный).

Эти и сотни других дел доказывают, что преследуют не за реальные преступления, а за саму веру и ее совместное исповедание.

Еще до общенационального запрета система оттачивала методы фабрикаций улик. Хрестоматийным стал случай в Воронеже в декабре 2016 года. При обыске в здании местной организации Свидетелей Иеговы были «обнаружены» запрещенные публикации. Однако, как заявили адвокаты на заседании Верховного суда в 2017 году, на титульном листе одной из подброшенных книг стояла аббревиатура «ИКЦМВ». Эта аббревиатура расшифровывается как «Информационно-консультационный центр св. Митрофана Воронежского» — местной организации, входящей в состав РАЦИРС. Этот факт является прямым указанием на возможную причастность аффилированных с Дворкиным структур к фальсификации доказательств, которые затем легли в основу обвинений.

Физический террор: государственные пытки в XXI веке

Апогеем жестокости и самым наглядным результатом дегуманизирующей пропаганды Дворкина стали события в Сургуте в феврале 2019 года. После массовых задержаний как минимум семерых верующих подвергли жестоким пыткам прямо в здании Следственного комитета, выбивая признательные показания с помощью удушения, избиений и электрошока.

«Меня ударили током. Они били и били то в правую, то в левую ногу электрошокером, унижали меня морально, обзывали животным... Они стянули с меня штаны вместе с нижним бельем и начали водить каким-то предметом по ягодицам... Я закричал, что я скажу все, что они от меня хотят». — Из показаний Артема Кима, жертвы пыток

Несмотря на медицинские заключения и опознание жертвами своих мучителей, уголовные дела в отношении сотрудников СК РФ так и не были возбуждены. Система продемонстрировала свою полную безнаказанность и круговую поруку. Это не эксцесс исполнителя, а логичное следствие идеологии, в которой «сектант» — это не человек с правами, а объект для «обработки».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новые материалы, проанализированные в этой главе, замыкают круг доказательств. Они демонстрируют с исчерпывающей ясностью: антикультовое движение Александра Дворкина не просто идеологически схоже с нацистской моделью преследования меньшинств — оно функционирует по той же самой структурной матрице.

Идентичные технологии дегуманизации, переводящие религиозные убеждения в разряд патологий. Одна и та же стратегия «разделяй и властвуй» на разрушение солидарности. Циничное использование псевдонаучной «экспертизы» для заранее готового приговора. И, наконец, глубочайшее сращивание с государственным аппаратом насилия через личные связи и идеологическую обработку силовых структур.

Окончательное саморазоблачение системы в виде официального признания «деструктологии» лженаукой лишь подчеркивает главный урок этой истории. Преследование Свидетелей Иеговы в России не было результатом ошибки, заблуждения или чрезмерного усердия. Это был сознательный, хладнокровный и целенаправленный акт политической воли, замаскированный под защиту духовности и национальной безопасности.

Уроки истории жестоки, но необходимы. Они учат нас, что дорога к концлагерю всегда вымощена словами о «защите детей», «национальных ценностях» и борьбе с «враждебными элементами». Она начинается с разделения людей на «правильных» и «неправильных», «традиционных» и «сектантов». Когда общество молчаливо соглашается с этим разделением, оно открывает ящик Пандоры. Угроза, нависшая сегодня над одной религиозной группой, завтра неминуемо распространится на другие, а затем — на все гражданское общество. История не повторяется дословно, но технологии ненависти и государственного подавления, к сожалению, универсальны. И долг каждого здравомыслящего человека — распознать их и противостоять им, пока не стало слишком поздно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ВЕБ-САЙТОВ

1. Garbe, D. (2008). Between Resistance and Martyrdom: Jehovah's Witnesses in the Third Reich. University of Wisconsin Press. URL: <https://uwpress.wisc.edu/books/2836.htm>
2. Дворкин, А. Л. (2006). Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования (3-е изд., перераб. и доп.). Нижний Новгород: Христианская библиотека. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/sektovedenie-totalitarnye-sekty/>
3. Höss, R. (2000). Commandant of Auschwitz: The Autobiography of Rudolf Hoess. Phoenix Press. URL: https://archive.org/details/commandantofauschwitztheautobiography-ofrudolfhoess_202003_86_S/
4. Иваненко, С. И. (2012). Обыкновенный антикультизм. Санкт-Петербург: Древо жизни.
5. Иваненко, С. И. The People Who Are Steadfast Under Persecution. URL: <https://ivanenko.online/en/book/the-people-who-are-steadfast-under-persecution/part-i-jehovahs-witnesses-in-the-years-of-persecution-the-view-of-religious-studies-scholar-sergei-ivanenko/jehovahs-witnesses-who-are-they/>
6. Johnson, P. A History of Christianity. URL: [https://oldmis.kp.ac.rw/admin/admin_panel/kp_lms/files/digital/Core%20Books/Theology/A%20History%20Of%20Christianity%20By%20Paul%20Johnson%20\(%20PDFDrive.com%20\).pdf](https://oldmis.kp.ac.rw/admin/admin_panel/kp_lms/files/digital/Core%20Books/Theology/A%20History%20Of%20Christianity%20By%20Paul%20Johnson%20(%20PDFDrive.com%20).pdf)
7. Алексеев, В., Григорьев, А. Религия Антихриста. Новосибирск.
8. Боа, К. (1992). Лабиринты веры. Москва.
9. Егорцев, А. (1997). Тоталитарные секты – свобода от совести. Москва.
10. Макдауэлл, Дж., Стюарт, Д. (1993). Обманщики. Москва.
11. Мартин, У. (1992). Царство культов. Санкт-Петербург.
12. Секты против Церкви: Процесс Дворкина. (2001). Москва: Издательство Московской Патриархии.
13. Щелкунов, А. (2018). Репрессии против православных и Свидетелей Иеговы в Третьем Рейхе и СССР: сравнительное исследование. Elpis, 20, 65–72. URL: https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/7324/5/ELPIS_20_2018_08.pdf
14. Panin, S. Alternative Spiritualities in Russia and the Conflict in Ukraine. Taylor & Francis. URL: <https://uat.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429288463-5/alternative-spiritualities-russia-conflict-ukraine-stanislaw-panin>

15. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 г. по делу № АКПИ17-238. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1542562
16. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России и другие против России» (жалоба № 32401/10) от 7 июня 2022 г. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-217738>
17. Решение Европейского суда по правам человека от 10.06.2010 «Дело „Свидетели Иеговы в Москве“» (жалоба № 302/02). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-202034&filename=CASE%20OF%20JEHOVAH>
18. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 17 июля 2017 г. № АПЛ17-216.
19. Пресс-релиз ЕСПЧ по решению от 7 июня 2022 г. "Unjustified ban on Jehovah's Witnesses' organisations in Russia and persecution of their members". URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-7359518-10051877>
20. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/
21. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC107198/>
22. Уголовный кодекс Российской Федерации, Статья 282.2. «Организация деятельности экстремистской организации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8777a33642340808b5387b941543883a9a25fe4e/
23. Указ Президента Российской Федерации от 14 марта 1996 года №378 «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий».
24. Декрет Рейхспрезидента «О защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г. (Reichstag Fire Decree). URL: https://www.germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=1492
25. Европейский суд по правам человека. (2024, сентябрь). Решение Большой палаты по делу Pindo Mulla v. Spain. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/echr-grand-chamber-ruling-against-spain>
26. Amnesty International. (2024). Human rights in Russia: Report 2023/2024. URL: <https://www.amnesty.org/en/location/europe-and-central-asia/eastern-europe-and-central-asia/russia/report-russia/>
27. Amnesty International. (2020). Jehovah's Witness sentence commuted: Gennadiy Shpakovsky. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur46/2896/2020/en/>

28. European External Action Service. EU Comments on Russian ban of Jehovah's Witnesses. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/27015/eu-comments-russian-ban-jehovahs-witnesses_en
29. European Parliament. (2017). Resolution on Eritrea, in particular the cases of Abune Antonios and Dawit Isaak. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0309_EN.html
30. European Parliament. (2012). Resolution of 16 February 2012 on the upcoming presidential election in Russia. URL: <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2012-0022+0+DOC+XML+V0//EN>
31. Forum 18. (2024, 14 марта). RUSSIA: "Extremism" prosecutions of elderly Jehovah's Witnesses. URL: https://www.forum18.org/archive.php?article_id=2898
32. Forum 18. (2024, 19 апреля). RUSSIA: Who ordered torture of Jehovah's Witness prisoner of conscience?. URL: https://www.forum18.org/archive.php?article_id=2916
33. Forum 18. (2017, 20 апреля). RUSSIA: Jehovah's Witnesses banned, property confiscated. URL: https://forum18.org/archive.php?article_id=2304
34. Forum 18. (2015, 14 декабря). RUSSIA: "Undesirable" from birth?. URL: https://forum18.org/archive.php?article_id=2024
35. Human Rights Watch. (2020, 9 января). Russia: Escalating Persecution of Jehovah's Witnesses. URL: <https://www.hrw.org/news/2020/01/09/russia-escalating-persecution-jehovahs-witnesses>
36. Human Rights Watch. (2018, 28 июня). Russia: Sweeping Arrests of Jehovah's Witnesses. URL: <https://www.hrw.org/news/2018/06/28/russia-sweeping-arrests-jehovahs-witnesses>
37. Human Rights Watch. (2017, 20 апреля). Russia: Court Bans Jehovah's Witnesses. URL: <https://www.hrw.org/news/2017/04/20/russia-court-bans-jehovahs-witnesses>
38. Human Rights Without Frontiers. (2020). Prisoners of Conscience: Jehovah's Witnesses (2020). URL: https://hrwf.eu/wp-content/uploads/2020/07/Jehovahs-Witnesses-2020_online.pdf
39. International Religious Freedom or Belief Alliance. (2021, 17 декабря). Joint Statement on Jehovah's Witnesses. URL: <https://2021-2025.state.gov/international-religious-freedom-or-belief-alliance-statement-on-jehovahs-witnesses/>
40. Open Doors. (2021). DESTRUCTIVE LIES: Disinformation, speech that incites violence and discrimination against religious minorities in India. URL: <https://media.opendoor-suk.org/document/pdf/Destructive%20Lies-Full%20version-DIGITAL-ODUK-2021.pdf>

41. OSCE. (2015, октябрь). Report from the Administrative Center of Jehovah's Witnesses in Russia. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/1/8/187451.pdf>
42. OSCE. (2014, сентябрь). Притеснения Свидетелей Иеговы в России продолжаются. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/4/124740.pdf>
43. OSCE. (2008, 7 октября). Statement on 'Campaign of persecution against Jehovah's Witnesses'. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/a/34151.pdf>
44. PACE. (2012). Resolution 1896 (2012): The situation in Russia.
45. UN News. (2019, 7 февраля). UN rights chief 'deeply concerned' over Jehovah's Witness conviction in Russia. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/02/1032151>
46. UNDP. (2023). От языка вражды к ненасильственной коммуникации. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-06/from_hate_speech_to_non-violent_communication_ru_web.pdf
47. U.S. Department of State. (2023). 2023 Report on International Religious Freedom: Russia. URL: <https://www.state.gov/reports/2023-report-on-international-religious-freedom/russia/>
48. U.S. Department of State. (2019). 2019 Report on International Religious Freedom: Russia. URL: <https://www.state.gov/reports/2019-report-on-international-religious-freedom/russia>
49. U.S. Department of State. (2018). 2018 Report on International Religious Freedom: Russia. URL: <https://www.state.gov/reports/2018-report-on-international-religious-freedom/russia/>
50. USCIRF. (2020). Issue Update: The Anti-cult Movement and Religious Regulation in Russia. URL: <https://www.uscirtf.gov/sites/default/files/2020%20Anti-Cult%20Update%20-%20Religious%20Regulation%20in%20Russia.pdf>
51. USCIRF. (2017). Annual Report (Russian translation). URL: <https://www.uscirtf.gov/sites/default/files/Russia%20Russian%20translation>
52. United Nations. Язык ненависти и реальный вред. URL: <https://www.un.org/ru/hate-speech/understanding-hate-speech/hate-speech-and-real-harm>
53. ABC News. (2021, 13 сентября). Inside the brutal world of the Jehovah's Witnesses. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-09-13/jehovah-witnesses-child-abuse-four-corners-investigations/100444320>
54. BBC Russian. (2019, 11 сентября). Санкции США за пытки Свидетелей Иеговы в России. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-49639323>

55. Bitter Winter. (2022, 5 мая). Albania: Evangelical Pastor Found Guilty of “Hate Speech” Against the Jehovah’s Witnesses. URL: <https://bitterwinter.org/albania-evangelical-pastor-found-guilty-of-hate-speech-against-the-jehovahs-witnesses/>
56. CNE.news. (2022, 28 ноября). European court rejects Jehovah's Witness complaint. URL: <https://cne.news/article/3035-european-court-rejects-jehovahs-witness-complaint>
57. Forbes. (2022, 8 июня). Россия не будет исполнять решения ЕСПЧ, принятые после 15 марта. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/legal/464517-rossiya-ne-budet-ispolnyat-resheniya-espch>
58. ОВД-Инфо. (2024, 20 июля). ЕСПЧ присудил по 10 тысяч евро шестнадцати Свидетелям Иеговы, столкнувшимся с преследованиями. URL: <https://ovd.info/express-news/2024/07/20/espch-prisudil-po-10-tysyach-evro-shestnadcati-svidetelyam-iegovy>
59. ОВД-Инфо. (2022, 7 июня). ЕСПЧ потребовал прекратить преследование Свидетелей Иеговы.
60. ОВД-Инфо. (2020, 7 июля). Одна и та же история. На чем строятся дела против Свидетелей Иеговы?. URL: <https://ovd.info/articles/2020/07/07/odna-i-ta-zhe-istoriya-na-chem-stroyatsya-dela-protiv-svideteley-iegovy>
61. Право.ру. Свидетели Иеговы. URL: <https://pravo.ru/tags/3452/>
62. ПЦ «Мемориал». (2019, 3 марта). Свидетели и палачи. URL: <https://memohrc.org/ru/monitorings/svideteli-i-palachi>
63. ПЦ «Мемориал». Ни один человек не погиб от руки свидетеля Иеговы. URL: <https://memopzk.org/news/ni-odin-chelovek-ne-pogib-ot-ruki-svidetelya-iegovy/>
64. Радио Свобода. (2024, 23 июля). ЕСПЧ назначил компенсации 16 осуждённым в РФ Свидетелям Иеговы. URL: <https://www.svoboda.org/a/espch-naznachil-kompensatsii-16-osuzhdyonnyh-v-rf-svidetelyam-iegovy/33044185.html>
65. Радио Свобода. (2019, 30 апреля). "История любого трагична". Новый список российских политзаключенных. URL: <https://www.svoboda.org/a/29912640.html>
66. Радио Свобода. (2019, 27 марта). В России заведены десятки уголовных дел на Свидетелей Иеговы. URL: <https://www.svoboda.org/a/29847876.html>
67. Радио Свобода. (2019, 18 февраля). Узники веры. URL: <https://www.svoboda.org/a/29779425.html>
68. Радио Свобода. (2019, 15 февраля). "Я признался, что читал Библию и пел молитвы". В Вятке судят иеговистов. URL: <https://www.svoboda.org/a/29771708.html>
69. Радио Свобода. (2019, 25 января). Показательный процесс. Почему требуют дать 6,5 лет за веру?. URL: <https://www.svoboda.org/a/29731196.html>

70. Радио Свобода. (2019, 28 января). Интервью с российским беженцем, Свидетелем Иеговы. URL: <https://www.idelreal.org/a/29733570.html>
71. Радио Свобода. (2019, 29 апреля). Госдепартамент США опубликовал доклад о свободе вероисповедания. URL: <https://www.svoboda.org/a/29910752.html>
72. Русская планета. (2015, 12 августа). «Прямая речь отрицательного героя». URL: <https://rusplt.ru/analitika/pryamaya-rech-otritsatel-nogo-geroya-povod-dlya-dela-27099.html>
73. Русэксперт. (2023, 1 июля). В РФЦСЭ при Минюсте России... указали, что «де-структология не является наукой». URL: <https://rusexpert.ru/news/ijki-chy-ptiv-dbvtv-gmity-kptiz-v-d-i-lgitimcii-pvdchg-ziya->
74. Центр «Сова». Публикации о неправомерном применении антиэкстремистского законодательства. URL: <https://www.sova-center.ru/misuse/publications/>
75. Кавказ.Реалии. (2022, 2 января). Год антирекордов: в России усилились репрессии против Свидетелей Иеговы. URL: <https://www.kavkazr.com/a/god-antirekordov-v-rossii-usililisj-repressii-protiv-svideteley-iegovy/31634246.html>
76. Новая газета. (2024, 25 ноября). Свидетели умирают под следствием. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2024/11/25/svideteli-umiraiut-pod-sledstviem>
77. Советская Адыгея. (2019, 18 октября). Как не попасть в секту. Разговор с Александром Дворкиным. URL: <https://sovetskaya-adygeya.ru/2019/10/18/kak-ne-popast-v-sektu-razgovor-s-aleksandrom-dvorkinym/>
78. Телеканал «ОТР». Александр Дворкин о Свидетелях Иеговы. URL: <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/aleksandr-dvorkin-25929.html>
79. Приход храма в честь Владимирской иконы Божией Матери на Семи Ключах. (2021, 12 февраля). А. Дворкин. Свидетели Иеговы. URL: <https://glubokoe-blag.cerkov.ru/2021/02/12/a-dvorkin-svideteli-iegovy/>
80. Газета.ru. (2013, 23 августа). «Массовые гонения фактически поощряются государством». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2013/08/23/5603921.shtml>
81. Idel.Реалии. (2019, 5 марта). Позиция правительства РФ о свободе вероисповедания. URL: <https://www.idelreal.org/a/29802872.html>
82. Российская газета. (2009, 15 мая). Неокульты: вызов III тысячелетия. URL: <https://rg.ru/2009/05/15/dvorkin.html>
83. ACTFiles. Anticult Trail in the Yugoslav Wars. Part 2 Symphony of Church and State. URL: <https://actfiles.org/anticult-trail-in-the-yugoslav-wars/>
84. ACTFiles. Alexander Dvorkin: A Single Anticult Network. URL: <https://actfiles.org/alexander-dvorkin-a-single-anticult-network/>

85. ACTFiles. Dvorkin's Totalitarian Sect. Revival of Nazism. URL: <https://act-files.org/dvorkins-totalitarian-sect-revival-of-nazism/>
86. ACTFiles. Friedrich-Wilhelm Haack. URL: <https://actfiles.org/friedrich-wilhelm-haack/>
87. ACTFiles Johannes Aagaard. URL: <https://actfiles.org/johannes-aagaard/>
88. ACTFiles. The Fourth Reich: Who Continues Hitler's Legacy?. URL: <https://act-files.org/the-fourth-reich-who-continues-hitlers-legacy/>
89. ACTFiles. The IMPACT. Groundbreaking Documentary. URL: <https://actfiles.org/the-impact-groundbreaking-documentary/>
90. AvoidJW.org. (2023, 28 марта). Jehovah's Witnesses are a "destructive cult" and the former members, "victims", according to a ruling. URL: <https://avoidjw.org/news/jehovahs-witnesses-are-a-destructive-cult-and-the-former-members-victims-according-to-a-ruling/>
91. Brennan Center for Justice. Landmark Supreme Court Cases. URL: <https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/landmark-supreme-court-cases>
92. Global Freedom of Expression, Columbia University. The Ministry of Justice v. Jehovah's Witnesses Management Center. URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/ministry-justice-v-jehovahs-witnesses-management-center/>
93. Global Health Rights. Jehovah's Witnesses of Moscow and Others v. Russia. URL: <https://www.globalhealthrights.org/jehovahs-witnesses-of-moscow-and-others-v-russia/>
94. Holocaust Memorial Day Trust. Jehovah's Witnesses. URL: <https://hmd.org.uk/learn-about-the-holocaust-and-genocides/nazi-persecution/jehovahs-witnesses/>
95. HRWF.eu. (2022, 9 июня). BELGIUM: The Cassation Court rules in favour of Jehovah's Witnesses. URL: <https://hrwf.eu/belgium-the-court-of-cassation-upholds-the-right-of-jehovahs-witnesses-to-exclude-members/>
96. JWS-Library. "Informant," October 18, 1939. URL: https://jws-library.one/?file=data/1939/g_E_19391018/g_E_19391018.html#bookmark4
97. JW.ORG. Russia Imprisons Jehovah's Witnesses for Their Faith. URL: <https://www.jw.org/en/news/region/russia/jehovahs-witnesses-in-prison/>
98. JW.ORG. What Happened to Jehovah's Witnesses During the Time of the Holocaust?. URL: <https://www.jw.org/en/jehovahs-witnesses/faq/jw-holocaust-facts-concentration-camps/>
99. JW.ORG. (2018, 23 мая). Международное сообщество возмущено преследованием Свидетелей Иеговы в России. URL: <https://www.jw.org/ru/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B>

[8/%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D1%8B/%D1%80%D0%B
E%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F/%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83
%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5-
%D1%81%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D
0%BE-
%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BC%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%BE-
20180523/](https://www.jw.org/en/news/region/russia/jehovah-witness-facts/)

100. JW.ORG. Не каждому гарантируется: как преследуют Свидетелей Иеговы. URL: <https://jw.org/ru/news/europe/russia/20170410-v-rossii-prevyshen-rubikon/>

101. JW-Russia.org. Legal & Human Rights Facts: Jehovah's Witnesses in Russia. URL: <https://www.jw.org/en/news/region/russia/jehovah-witness-facts/>

102. JW-Russia.org. ECHR Recognized Violation of Rights of Another 16 Jehovah's Witnesses. (2024, 23 июля). URL: <https://jw-russia.org/en/news/2024/07/231543.html>

103. JW-Russia.org. Список узников совести по делам Свидетелей Иеговы. URL: <https://jw-russia.org/prisoners.html#region=>

104. JW-Russia.org. Prisoners of Conscience: Jehovah's Witnesses – Who Are They?. URL: <https://jw-russia.org/docs/252.html>

105. JW-Russia.org. Официальный сайт Свидетелей Иеговы в России (новости о преследовании). URL: <https://jw-russia.org/>

106. JW.ORG. 2024 Country and Territory Reports. URL: [https://www.jw.org/en/li
brary/books/2024-Service-Year-Report-of-Jehovahs-Witnesses-Worldwide/2024-Country-
and-Territory-Reports/](https://www.jw.org/en/library/books/2024-Service-Year-Report-of-Jehovahs-Witnesses-Worldwide/2024-Country-and-Territory-Reports/)

107. sectes-info.com. (2010, ноябрь). RELIGIOUS EXTREMISM OF ALEXANDER DVORKIN. Research Article. URL: [https://sectes-info.com/wp-content/up-
loads/2020/03/dvorking-READ-EN.pdf](https://sectes-info.com/wp-content/uploads/2020/03/dvorking-READ-EN.pdf)

108. The Holocaust Explained. Jehovah's Witnesses: Persecution 1933–1945. URL: [https://www.theholocaustexplained.org/life-in-nazi-occupied-europe/oppression/jehovahs-
witnesses/](https://www.theholocaustexplained.org/life-in-nazi-occupied-europe/oppression/jehovahs-witnesses/)

109. United States Courts. Supreme Court Landmarks. URL: [https://www.uscourts.gov/about-federal-courts/educational-resources/supreme-court-land-
marks](https://www.uscourts.gov/about-federal-courts/educational-resources/supreme-court-landmarks)

110. United States Holocaust Memorial Museum. Nazi Persecution of Jehovah's Witnesses. URL: [https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/nazi-persecution-of-jehovahs-wit-
nesses](https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/nazi-persecution-of-jehovahs-witnesses)

111. United States Holocaust Memorial Museum. Свидетели Иеговы в Германии с 1890-х по 1945 год. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/jehovahs-witnesses-in-germany-from-the-1890s-to-the-1930s>
112. United States Holocaust Memorial Museum. Gallery: Nazi Persecution of Jehovah's Witnesses. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/gallery/nazi-persecution-of-jehovahs-witnesses-stories>
113. United States Holocaust Memorial Museum. Museum Statement on Jehovah's Witnesses in Russia. URL: <https://www.ushmm.org/information/press/press-releases/museum-statement-on-jehovahs-witnesses-in-russia>
114. VC.ru. (2022, 11 ноября). Александр Дворкин: разоблачение антикультового крестоносца. URL: <https://vc.ru/id5077703/2096088-aleksandr-dvorkin-antikultovaya-kampaniya>
115. Wikipedia. Alexander Dvorkin. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Alexander_Dvorkin
116. Wikipedia. Eschatology of Jehovah's Witnesses. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Eschatology_of_Jehovah%27s_Witnesses
117. Wikipedia. Persecution of Jehovah's Witnesses. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Persecution_of_Jehovah%27s_Witnesses
118. Википедия. Дворкин, Александр Леонидович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дворкин,_Александр_Леонидович
119. Википедия. Деструктология. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Деструктология>
120. Википедия. Ликвидация московской общины свидетелей Иеговы. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ликвидация_московской_общины_свидетелей_Иеговы
121. Википедия. К посредничеству/Неакадемичность, атеизм и религия/Донабор посредников. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:К_посредничеству/Неакадемичность,_атеизм_и_религия/Донабор_посредников
122. Википедия. К посредничеству/Неакадемичность, атеизм и религия/КОИ/Архив/3. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:К_посредничеству/Неакадемичность,_атеизм_и_религия/КОИ/Архив/3
123. Index Copernicus. Academic Journal Article. URL: <https://journals.indexcopernicus.com/api/file/viewByFileId/615227>

124. CSIS (Center for Strategic and International Studies). Russia's Religious Persecution and Misinformation in Ukraine. URL: <https://www.csis.org/analysis/russias-religious-persecution-and-misinformation-ukraine>
125. European Association of Jehovah's Witnesses. Свидетели Иеговы в России. Проблемы религиозной свободы (Отчет для ОБСЕ, 2018). URL: https://www.osce.org/files/f/documents/8/f/395078_7.pdf
126. ПЦ «Мемориал». Список преследуемых по обвинению в принадлежности к свидетелям Иеговы. URL: <https://memohrc.org/ru/special-projects/spisok-presleduemyh-po-obvineniyu-v-prinadlezhnosti-k-svidetelyam-iegovy>
127. U.S. Commission on International Religious Freedom (USCIRF). Issue Update: Religious Freedom Challenges for Jehovah's Witnesses (November 2024). URL: <https://www.uscifr.gov/sites/default/files/2024-11/2024%20Jehovah%27s%20Witness%20Issue%20Update.pdf>
128. Заключение Российского федерального центра судебной экспертизы (РФЦСЭ) при Минюсте РФ, июнь 2023 г.
129. BBC Russian. (2019, 20 сентября). Шестеро свидетелей Иеговы получили тюремные сроки в Саратове. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-49766521>
130. Eurasianet. Россия: чем объясняются и к чему приведут гонения на Свидетелей Иеговы. URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-чем-объясняются-и-к-чему-приведут-гонения-на-свидетелей-иеговы>
131. Factcheck.kz. 12 мифов о Свидетелях Иеговы. URL: <https://factcheck.kz/mify/10-mifov-o-svidetelyax-iegovy/>
132. Golos Ameriki. В России хотят запретить Свидетелей Иеговы. URL: <https://www.golosameriki.com/a/russia-jehovah-witnesses/3785886.html>
133. jw.org. В России набирает силу волна террора против Свидетелей Иеговы. URL: <https://www.jw.org/ru/новости/регионы/россия/волна-террора-против-свидетелей-иеговы/>
134. jw.org. Свидетели Иеговы в России могут лишиться права свободно исповедовать свои религиозные взгляды. URL: <https://www.jw.org/ru/новости/регионы/россия/си-угроза-свободе-вероисповедания/>
135. РИАМО. Бывшая сектантка «Свидетелей Иеговы» — о манипуляциях и запрете на секс до брака. URL: <https://riamo.ru/articles/lyudi/byvshaya-sektantka-svidetelej-iegovy-o-manipulyatsiyah-i-zaprete-na-seks-do-braka-xl/>

136. ПЦ «Мемориал». (2019, 29 марта). пытки Свидетелей Иеговы в Сургуте. Заключение специалистов и выступления адвокатов. URL: <https://memopzk.org/news/9620/>
137. Academia.edu. Freedom of Religion or Belief, Anti-Sect Movements and State Neutrality: A Case Study: FECRIS. URL: https://www.academia.edu/21732719/Freedom_of_Religion_or_Belief_Anti_Sect_Movements_and_State_Neutrality_A_Case_Study_FECRIS
138. Новая газета. Фотография следов от электрошокера на ногах Вячеслава Бороноса, Сургут, 2019.
139. <https://rusexpert.ru/news/ijki-chy-ptiv-dvty-gmity-kptiz-v-d-i-lgitimcii-pvdchg-ziya->